

М. Клупт

ДЕМОГРАФИЯ РЕГИОНОВ Земли

События новейшей демографической истории

 ПИТЕР®

Михаил Клулт

**Демография регионов
Земли. События новейшей
демографической истории**

«Питер»

2007

УДК 314.14
ББК 60.7

Клупт М.

Демография регионов Земли. События новейшей демографической истории / М. Клупт — «Питер», 2007

Эта книга – рассказ о важнейших событиях новейшей демографической истории Земли. Читатель сможет познакомиться с новыми моделями демографического поведения, характерными для жителей США, Западной и Восточной Европы, Италии и Испании, Индии и Китая и других регионов мира, узнать об изменениях в их жизненном цикле (вступление в самостоятельную жизнь, интимные отношения и брак, контрацептивная революция, рождение детей, жизнь и смерть), о причинах этих изменений, а также познакомиться с проблемами и теориями, эти изменения отражающими. Значительное место в книге уделено демографическим проблемам современной России и поискам выхода из демографического кризиса. Автор подчеркивает, что игнорирование культурных и социальных различий между регионами нельзя безнаказанно игнорировать, а методы политики бездумно импортировать. Вряд ли стоит долго объяснять, к каким последствиям это нередко приводит и почему данная проблематика столь актуальна для России. Междисциплинарный характер темы делает книгу интересной для всех, кого по роду профессиональных занятий или в силу личной склонности волнуют проблемы истории, демографии, географии, регионоведения, социологии, политологии, международных отношений.

УДК 314.14
ББК 60.7

© Клулт М., 2007

© Питер, 2007

Содержание

От автора	7
Глава 1	10
1.1. Изменения в жизненном цикле европейцев	11
1.2. Причины изменений: историко-институциональный анализ	15
1.3. О теории второго демографического перехода и вопросах, которые она порождает	35
1.4. Перспективы и возможные конфликты	41
Глава 2	45
2.1. Три парадокса	45
2.2. Демографические различия между Западной и Южной Европой	46
2.3. Историко-институциональные корни южноевропейского демографического феномена	52
2.4. Исключение или часть правила?	58
Глава 3	60
3.1. Динамика продолжительности жизни: в поисках причин исторической драмы	60
3.2. Рождаемость переходного периода	67
3.3. Демографическое развитие региона в зеркале теории	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Клупт
Демография регионов Земли

*Памяти моего деда, профессора географии В. С. Клупта, посвящаю
эту работу*

© ООО Издательство «Питер», 2007

От автора

Предлагаемая вниманию читателя книга – это одновременно и рассказ о важнейших событиях новейшей демографической истории Земли, и попытка ее теоретического осмысления. Демографическое развитие мира представлено в ней как история развития его крупных регионов, каждый из которых имеет свою, во многом уникальную, культуру, социальную и экономическую структуру, политические, семейные и другие традиции. Эти особенности каждого региона, по-моему убеждению, – важный и во многом автономный источник его демографического развития. Несколько расширив известную максиму нобелевского лауреата Д. Норта, следует еще раз подчеркнуть: «История и география имеют значение!»

Современная демографическая теория тяготеет к тому, чтобы рассматривать демографическое развитие отдельного региона лишь как отражение глобальных закономерностей. Такой подход представляется мне односторонним, поэтому обратить внимание на роль региональных источников демографических изменений и включить их в общий контур современной демографической теории я считаю принципиально важным.

Хотелось бы также подчеркнуть, что вопрос о соотношении глобального и регионального в демографическом развитии отнюдь не академический – он тесно связан с разработкой и проведением социальной и демографической политики. Ведь из представления о том, что цивилизационные особенности – второстепенный фактор, вытекают вполне определенные практические выводы: считается, что при разработке и реализации политики эти особенности можно безнаказанно игнорировать, а методы политики бездумно импортировать из других стран. Вряд ли стоит долго объяснять, к каким последствиям это нередко приводит и почему данная проблематика столь актуальна для России.

Эта книга не является демографическим исследованием в узком смысле слова: в ней широко использованы междисциплинарные научные подходы и традиции. К их числу относится прежде всего регионоведение. Крупные регионы Земли, о которых здесь идет речь, – не просто обособленные участки земной тверди. Они представляют собой целостные образования со своими цивилизационными особенностями, исторической судьбой, культурой, политическими традициями. Вне этого историко-культурного контекста невозможно понять важнейшие события новейшей демографической истории регионов Земли, да и планеты в целом, поэтому ему уделено в работе значительное внимание.

Другой междисциплинарный научный подход, лежащий в основе данной книги, – институциональный анализ. Различные ветви институционализма по-разному трактуют понятие «институт», ключевое для этого научного направления. В данной работе под институтами понимаются:

- принятые в обществе «правила игры» – формальные (законодательные акты и т. д.) и неформальные (обычаи, традиции);
- субъекты общественной жизни (государство, семья, институты здравоохранения, правопорядка и т. д.), наделенные материальными, правовыми, моральными и другими ресурсами и полномочиями для осуществления жизненно важных для общества функций, в число которых входит и контроль над соблюдением «правил игры»;
- устойчивые способы и стереотипы мышления, часто называемые также менталитетом населения.

Институциональный подход широко используется в экономической науке и социологии, однако возможности его применения в демографии, на мой взгляд, недооценены. Между тем именно институциональные различия являются одной из глубинных причин демографического разнообразия современного мира. Ввиду этого институциональный подход представляет собой альтернативу теориям, склонным игнорировать региональные различия, например

особенности национальной культуры, экономики или менталитета. Региональные особенности таких институтов, как государство, семья (как, впрочем, и многих других), отражают специфический опыт ответов на вызовы истории, накопленный в различных регионах планеты. Институциональные особенности определяются не только историей региона, но и его географией, ибо ответ на вызовы истории всегда приходится давать в конкретных природных и геополитических условиях.

В то же время институциональная структура общества – не только результат, но и фактор его развития. Ее особенности, как будет показано далее, в значительной мере определяют и способ, которым то или иное общество отвечает на возникающие перед ним демографические проблемы, и результаты их решения. Поэтому анализ институциональной структуры общества – как ее глубинных и инертных, так и более поверхностных и подвижных пластов – позволяет лучше понять, каким образом формируется демографическая политика различных стран мира, складывается реакция населения на ее мероприятия.

Институты, сложившиеся в регионе, оказываются также призмой, сквозь которую преломляются «внешние» по отношению к нему воздействия (например, глобальные изменения в технологиях, политических и экономических отношениях, импульсы, идущие от других культур, и т. д.). В результате такого преломления различные общества по-разному реагируют на общепланетарные вызовы, а само демографическое развитие мира оказывается результатом постоянных взаимодействий регионального и глобального характера. Отсюда вытекает и очевидный практический вывод: чтобы улучшить демографическую ситуацию, нужно перестроить институциональную структуру, сделать ее более «жизнеспасающей», благоприятной для рождения и воспитания детей. Институциональная структура многослойна, ее базовые пласты инертны и не меняются в одночасье. Тем не менее многое можно сделать и в достаточно сжатые сроки средствами социальной, экономической, демографической политики.

Доминирующие сегодня в демографической науке теории демографического перехода, эпидемиологического перехода, второго демографического перехода определенным образом фильтруют эмпирическую информацию, игнорируя или относя к малозначительным деталям и исключениям все, что вступает с ними в противоречие. При этом многочисленные эмпирические исследования, охватившие самые отдаленные уголки Земли, часто дают результаты, противоречащие этим теориям. Однако в условиях скепсиса в отношении мирообъемлющих систем, охватившего современные социальные науки, авторы этих исследований не стремятся к теоретическим обобщениям. Сложившаяся в результате картина развития современной демографии выглядит весьма живописно: по берегам ее основного русла, образуемого теориями перехода, постепенно разрастаются груды разбросанных в хаотическом беспорядке фактов, не соответствующих доминирующим теориям, но и никем не обобщаемых.

Послушно следовать в этих условиях логике теорий перехода, ограничивая осмысление фактического материала лишь «маркированием» регионов, отнесением их к территориям с более или менее завершенным переходом в области рождаемости, смертности и т. д., значило бы вновь оставлять важную эмпирическую информацию без внимания. Поэтому данная книга построена по иному принципу. В ее начальных главах, посвященных отдельным регионам, рассматриваются ключевые факторы их демографического развития вне зависимости от того, вписываются они в теории демографического перехода или противоречат им. Из этой региональной мозаики и складывается картина демографического развития планеты, обсуждаемая в заключительных главах.

Мне хотелось бы сразу обратить внимание читателя на то, что эта книга имеет несколько пластов. Один из них статистический. Читатель, уставший от навязываемых ему интерпретаций и жаждущий только голых фактов и цифр, найдет их в великом множестве и, если пожелает, может ими и ограничиться.

Однако данное исследование – не статистический сборник с развернутыми комментариями. С моей точки зрения, в истории каждого крупного региона Земли закодирована важная теоретическая информация, и задача исследователя – ее расшифровать. История каждого региона может рассматриваться как эмпирическая проверка тех или иных демографических теорий. Отсюда второй тематический пласт книги – история демографических идей, их взлетов, падений и тесно связанных с ними вопросов методологии научного познания.

Третий пласт – регионоведческий. Он помогает увидеть, каким образом события демографической истории различных стран и регионов переплетались с их экономической, социальной и политической историей, и сделать видение этих событий более глубоким и комплексным. В книге есть и четвертый пласт, связанный с социальной и демографической политикой. Он необходим для того, чтобы понять, откуда вырастает и к каким последствиям приводит демографическая политика или ее отсутствие.

Все названные пласты так или иначе обозначены заголовками таблиц, глав и параграфов, поэтому при знакомстве с книгой можно ограничиться любым из них. Но я все же льщу себя надеждой, что читатель прочитает эту работу от начала до конца и ознакомится с авторской позицией в целом.

А уж соглашаться с ней или нет – решать ему.

Глава 1

Северная и Западная Европа: новая модель демографического поведения

На протяжении двух десятилетий после окончания Второй мировой войны большинство жителей Северной и Западной Европы¹ отдавали предпочтение традиционному для этой части планеты укладу семейной жизни. В те годы в «нормальной» семье мужчине отводилась роль основного кормильца, а женщина, выбирая между профессиональной и семейной ролью, часто отдавала явное предпочтение последней. С середины 1960-х гг. ход событий принял, однако, совсем иное направление. Женщины все чаще начали ставить достижение экономической самостоятельности во главу своих жизненных планов, внебрачный союз (*cohabitation*)² стал столь же обычным, как и зарегистрированный брак, а число детей, рожденных в браке и вне его, практически сравнялось.

Анализ этих изменений является одним из ключевых пунктов нашего исследования в силу особой роли Западной Европы во всемирной истории. На протяжении многих веков именно отсюда распространялись по миру волны социально-экономических, политических, технологических и культурных инноваций. Вполне закономерен поэтому вопрос о том, является ли современное демографическое поведение жителей Северной и Западной Европы прообразом будущего демографического поведения жителей остальных регионов планеты. Его рассмотрение необходимо начать со статистической характеристики изменений, произошедших в последние десятилетия в жизненном цикле жителей Северной и Западной Европы.

---

¹ В данной работе Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция отнесены к странам Северной Европы, а Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Франция и Швейцария – к странам Западной Европы.

² В русском языке до сих пор не утвердилось общепринятого обозначения этой формы совместной жизни мужчины и женщины и ее главных действующих лиц. «Сожитель» звучит грубовато и больше подходит для милицейского протокола; слово «друг» изящно, но несколько туманно; понятие «гражданский муж» стилистически нейтрально, однако неточно, ибо брак, зарегистрированный органами записи актов *гражданского* состояния (ЗАГС) является гражданским по определению; англоязычное заимствование «бойфренд» уместно в телевизионном ток-шоу, но немыслимо в официальном документе. В этой книге для обозначения относительно стабильного, но не зарегистрированного юридически совместного проживания мужчины и женщины под одной крышей используется термин «внебрачный союз».

1.1. Изменения в жизненном цикле европейцев

Изменения, произошедшие в последние десятилетия в жизненном цикле жителей Северной и Западной Европы, затронули почти всю их демографическую биографию – от начала первых сексуальных контактов и до конца жизни.

Вступление в интимные отношения и брак. 50–60-е гг. XX в. были в Западной Европе «золотым веком» брака. В первый брак вступали относительно рано (женщины в среднем примерно в 23 года, мужчины – в 25),³ а сам брак как социальный институт охватывал большую часть населения. Сейчас, по общему признанию демографов, «золотой век» брака остался позади. Возраст начала половой жизни также заметно снизился. Для французов, родившихся в 1932–1941 гг., возраст, к которому половина из них уже имела опыт интимных отношений, составлял 18,4 года, для француженок – 20,6 года. Для тех, кто родился двумя десятилетиями позднее, эти показатели снизились до 17,0 и 18,1 года.⁴ Возраст вступления женщин в первый брак, напротив, вырос: в Дании, например, с 22,8 года в 1970 г. до 29,7 в 1999 г.; в Нидерландах, соответственно, с 22,9 до 27,7. В результате период жизни между началом сексуальных контактов и вступлением в юридически установленный брак значительно удлинился и обычно составляет у мужчин 10–15 лет, у женщин на несколько лет меньше.

Во второй половине этого периода жизни европейцы стали все чаще вступать во внебрачные союзы. Обследования Евробарометра 1998–2000 гг. засвидетельствовали, что в Швеции и Норвегии менее 10 % женщин, вступая в первое в их жизни постоянное сожительство с мужчиной, состояли с ним в юридическом браке. Во Франции таких женщин было немногим более 20 %, в Великобритании – чуть менее 40 %. Среди жителей Норвегии, Швеции, Финляндии в возрасте 25–34 года основной формой совместной жизни мужчины и женщины является внебрачное сожительство. Та же ситуация, хотя и не столь выраженная, имеет место во Франции. В остальных странах региона брачные пары этого возраста имеют численный перевес над парами, состоящими во внебрачном сожительстве, менее выраженный в Германии и Австрии и более заметный в Бельгии и Ирландии.⁵

Контрацептивная революция. Одним из факторов, способствовавших изменениям в жизненном цикле жителей Западной и Северной Европы, стало появление новых, более эффективных контрацептивов. Контрацептивная революция началась чуть позже сексуальной. В 60-е гг. прошлого столетия, на ранних этапах сексуальной революции, наблюдалось множество скоропалительных браков, вызванных «незапланированными» добрачными зачатиями. Однако десятилетие спустя контрацептивные технологии шагнули далеко вперед, нежеланные беременности стали более редкими, а внебрачные рождения – более частыми. Молодежный секс все реже приводил к молодежным бракам.

По данным опроса, проведенного французскими демографами, в поколении 1944–1948 гг. рождения первый сексуальный контакт проходил без применения контрацептивных средств у 71,6 % француженок и 78,8 % французов. Для поколения 1969–1973 гг. рождения те же цифры составили только 32,0 и 42,4 %. Женщины этого поколения в качестве средства

---

³ Жителю России, а тем более стран Востока такой возраст бракосочетания не кажется ранним. Однако Западная Европа всегда отличалась исключительно поздним вступлением людей в брак. В XVI–XVIII вв. здесь женились примерно в 28 лет, а выходили замуж в 25. К началу XX в. брачный возраст понизился всего на 1–2 года. Английский демограф Дж. Хаджнал писал даже о разделявшей Европу линии Триест—Петербург, к западу от которой в брак вступали позже, чем к востоку.

⁴ *Leridon H.* Les nouveaux modes de planification de la famille // *European Populations: Unity and Diversity*. European Population Conference, plenary lectures. 1999. P. 54.

⁵ *Kiernan K.* Cohabitation and divorce across nations and generations. Centre for Analysis of Social Exclusion. London School of Economics. Paper 65. March 2003 // <http://www.sticerd.lse.ac.uk/dps/case/cp/CASEpaper65.pdf>.

предохранения от беременности в ходе первого сексуального контакта чаще всего использовали противозачаточные пилюли (44,6 %), а мужчины – презервативы (38,0 %).⁶

Во Франции после расширения в 1975 и 1979 гг. законных оснований для производства абортов их число, по официальным данным, возросло со 134 тыс. в 1976 г. до 183 тыс. в 1983 г., после чего стало медленно снижаться (в 1997 г. – 164 тыс.). Оценки, сделанные французскими учеными с учетом поправки на скрытые от статистического учета аборты, рисуют близкую картину: 1976 г. – 250 тыс. абортов (34,8 в расчете на 100 живорождений), 1983–261 тыс. (34,9), 1993–225 тыс. (31,6).⁷ В последнее десятилетие число абортов (в расчете на 100 живорождений) во Франции стабилизировалось и составляет от 25 до 27 – уровень, близкий к среднему для региона в целом (для сравнения: в России данный показатель в 2003 г. составил 126).

Рождение детей. В последние десятилетия XX в. первые роды в Северной и Западной Европе становились все более поздними, а вторые и третьи – все более редкими. В 1982 г. средний возраст женщины, родившей первого ребенка, составлял в Великобритании и Франции 27 лет, в Швеции – 28 лет. К 2000 г. значения этого показателя выросли еще на год, составив, соответственно, 29 и 30 лет.

Уровень рождаемости в Северной и Западной Европе не обеспечивает замещения численности родительских поколений поколениями детей. Для такого замещения суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь) при современном уровне смертности в рассматриваемом регионе не должен опускаться ниже отметки 2,08. Тем не менее, уровень рождаемости в Северной и Западной Европе сегодня заметно выше, чем на юге и востоке континента. Наиболее высокие в ЕС значения суммарного коэффициента рождаемости в 2004 г. были зафиксированы в Ирландии – 1,99, во Франции – 1,90, в Финляндии – 1,80 (табл. 1.1). Самые низкие значения данного показателя (около 1,4) на протяжении уже многих лет наблюдаются в Германии и Австрии, но даже эти показатели чуть выше, чем уровень рождаемости, типичный для постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, а также Италии и Испании (от 1,2 до 1,3).

Таблица 1.1. Рождаемость в странах Северной и Западной Европы в 1960–2005 гг.

⁶ Guibert-Lantoine C., Leridon H. La contraception en France: un bilan apres 30 ans de liberalization // Population. Vol. 53, № 4. P. 807.

⁷ Blayo Ch. L'evolution du recours a l'avortement en France depuis 1976 // Population. Vol. 50, № 3. P. 780 // <http://www.johnstonsarchive.net/policy/abortion>.

Страна	Коэффициент суммарной рождаемости				Доля внебрачных рождений, %		
	1960	1980	2000	2005	1960	1980	2005
Австрия	2,69	1,65	1,34	1,41	13,3	17,8	36,5
Бельгия	2,56	1,68	1,66	1,72	2,1	4,1	26,9
Великобритания	2,72	1,89	1,65	1,80	...	11,5	42,3–42,8
Германия	2,37	1,56	1,36	1,34	7,6	11,9	29,2
Дания	2,57	1,55	1,77	1,80	7,8	33,2	45,4–45,7
Ирландия	3,76	3,24	1,89	1,88	1,6	5,0	32,0
Нидерланды	3,12	1,60	1,72	1,73	1,4	4,1	34,8
Норвегия	2,91	1,72	1,85	1,84	3,7	14,5	51,8
Финляндия	2,72	1,63	1,73	1,80	4,0	13,1	40,4
Франция	2,73	1,95	1,89	1,94	6,1	11,4	48,4
Швейцария	2,44	1,55	1,50	1,42	3,8	4,9	13,7
Швеция	2,20	1,68	1,54	1,77	11,3	39,7	55,4

«...» – нет сведений.

Источники: Демоскоп Weekly // <http://www.demoscope.ru>; Population in Europe 2005: first results. Eurostat. 2006. P. 5

Сокращение числа молодых пар, состоящих в браке, привело бы в Северной и Западной Европе к гораздо более сильному снижению рождаемости, если бы не рождение внебрачных детей. В Швеции вне брака рождается более половины детей, в Норвегии – примерно половина, во Франции и Великобритании – более 40 %. У французов, родившихся в середине 1960-х гг., появление на свет их первого собственного ребенка стало результатом «канонической» последовательности «брак – зачатие – рождение» только в 52 % случаев, у жительниц Германии – в 43 %.⁸

Продолжительность жизни и смерть. Во всех странах рассматриваемого региона на протяжении второй половины XX столетия происходил практически непрерывный рост средней продолжительности жизни (табл. 1.2). Стабилизация значений этого показателя в некоторых странах во второй половине 1960-х гг. (подробнее см. далее) была кратковременной, и с начала 1970-х гг. его рост снова возобновился. Во Франции средняя продолжительность жизни мужчин выросла за вторую половину XX в. на 12 лет, женщин – на 13 лет; в Швеции, соответственно, на 8 и 10 лет. Продолжительность жизни в большинстве стран Западной Европы на 1–2 года превосходит соответствующие показатели для США и уступает только Японии, где, по предварительной оценке на 2006 г., она составляет 79 лет у мужчин и 86 лет у женщин.

Таблица 1.2. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах Северной и Западной Европы в 1960–2006 гг.

⁸ Le Goff J.-M. Cohabiting unions in France and West Germany: Transitions to first birth and first marriage // Demographic Research. Vol. 7, article 18. P. 599.

Страна	Мужчины			Женщины		
	1960	1980	2006*	1960	1980	2006*
Австрия	65,4	69,0	76	71,9	76,1	82
Бельгия	67,3	69,8	76	71,9	76,1	82
Великобритания	67,9	70,5	76	73,7	76,6	81
Германия	67,4	69,6	76	72,9	76,1	82
Дания	70,4	71,2	76	74,0	77,2	80
Ирландия	68,1	69,9	75	71,9	75,3	80
Нидерланды	71,5	72,5	77	75,3	79,1	81
Норвегия	71,6	72,4	78	76,0	79,2	83
Финляндия	65,4	69,3	75	72,4	77,8	82
Франция	67,0	70,2	77	73,5	78,3	84
Швейцария	68,7	72,3	79	74,1	78,8	84

* Предварительная оценка 2006 World Population Data Sheet. Р. 9 // <http://www.prb.ru>.

Резко снизилась в Западной Европе и младенческая смертность: во Франции, например, с 21,9 % в 1965 г. до 3,9 % в 2005 г. В настоящее время значения этого показателя не превышают в рассматриваемом регионе 5 %. По предварительным оценкам на 2006 г., Исландия и Швеция вместе с Японией и Сингапуром находятся среди стран, достигших его наиболее низких в мире значений: менее 3 умерших на 1000 родившихся.

1.2. Причины изменений: историко-институциональный анализ

Основная линия изменений. В основе демографических сдвигов, столь сильно изменивших жизнь европейцев (табл. 1.3), лежали существенные изменения важнейших институтов европейских обществ.

В середине 1960-х гг. государство как социальный институт все еще пытается выступать в роли защитника моральных устоев, контролировать сексуальное и репродуктивное поведение граждан. Запрещены или значительно ограничены аборт, продажа и «пропаганда» контрацептивов, а развод если и возможен, то представляет собой долгую и мучительную процедуру.

Однако маховик изменений, запущенный окончанием Второй мировой войны и поддерживаемый непрерывным экономическим ростом, раскручивается все сильнее. Происходит демилитаризация массового сознания; молодежь, родившаяся после войны, менее всего склонна полагать, что расширенное воспроизводство призывников – именно то, в чем она нуждается. Прежние формы социального контроля над сексуальным и репродуктивным поведением лишаются морального оправдания и воспринимаются как опостылевшие оковы. Молодежь громогласно заявляет об этом в ходе молодежных волнений второй половины 1960-х гг., в Париже снова вырастают баррикады.

Массы между тем вовсе не жаждут великих потрясений и недвусмысленно заявляют об этом на выборах. Бунтари разъезжаются по домам, на каникулы, баррикады разбирают, жизнь входит в привычную колею, революция-68, как кажется едва ли не всем ее участникам, потерпела поражение. Однако на протяжении следующего десятилетия все, чего добивалась молодежь, начинает осуществляться, причем при самом активном содействии государства. Разводы упрощаются, аборт легализуются, снимается запрет с продажи и пропаганды контрацептивов, студентам-мужчинам наконец-то разрешено посещать женские общежития.

Таблица 1.3. Изменения в демографическом поведении жителей Северной и Западной Европы в последней трети XX в.

Демографические процессы и их составляющие	До перелома (1950–1960-е гг.)	После перелома
Браки и разводы		
Доля населения, состоящего в браке	Высокая	Относительно низкая
Вступление в брак	Более раннее	Более позднее
Распространенность внебрачных союзов	Низкая	Высокая
Распространенность разводов	Низкая	Высокая
Вступление в новый брак после развода и смерти супруга	Достаточно частое	Становится более редким
Рождаемость		
Динамика и уровень	Снижение	Стабилизация на уровнях, не обеспечивающих простое замещение поколений
Возраст рождения детей	Средний возраст рождения первенца снижается; наблюдается снижение рождаемости в старших возрастах	Средний возраст рождения первенца растет; часть рождений «переносится» на более поздний возраст
Контрацепция	Менее эффективна	Более эффективна (за исключением отдельных социальных и демографических групп)
Доля брачных пар, не родивших на протяжении всей продолжительности брака ни одного ребенка	Более низкая	Более высокая
Доля детей, рожденных вне брака	Снижается	Растет, в том числе за счет рождения детей во внебрачных союзах

Источник: Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland. Interface Demography, Vrije Universiteit Brussel, Pleinlaan 2, B-1050 Brussels, Belgium // www.vub.ac.be.

Этот неожиданный для современников ход событий по прошествии нескольких десятилетий оказывается легко объяснимым. Надзор за сексуальным и репродуктивным поведением, как выясняется, больше не нужен никому: ни государству, ни политикам, ни генералам, ибо в новом обществе – постиндустриальном, постсовременном (перечень эпитетов не счесть), фокус социального контроля смещается совсем в иную сферу. Теперь критически важным становится манипулирование сознанием потребителей и избирателей, остальное уже несущественно.

Общество между тем непрерывно богатеет, приспосабливается к новым реалиям; крепнет социальное государство (*welfare state*), появляются все новые медицинские препараты и

технологии. В финале этого европейского концерта слышатся, однако, тревожные нотки. На смену старым, более или менее решенным в прошлом веке проблемам, приходят проблемы нового века, незнакомые и потому пугающие.

Краткие истории, впрочем, всегда спрямляют действительный ход событий. Ввиду этого остановимся на их описании более подробно.

Демографическое соревнование эпохи мировых войн и государственный демографический контроль. Военная и политическая мобилизация населения против внешней опасности относится к числу важнейших функций государства, легитимность которой обычно признается подавляющим большинством его населения. До Второй мировой войны эта функция была неразрывно связана в общественном сознании не только с формированием призывных контингентов, но и с обеспечением условий для их демографического воспроизводства. Реальная угроза краха национального государства в результате внешнего вторжения оправдывала в глазах населения активные действия правительства в сфере демографической политики. В Западной Европе особую роль при этом играло военное противостояние Германии и Франции, в 1870–1871 и 1914–1918 гг. уже сходящихся в смертельной схватке. Над предвоенной Европой витал дух демографического соревнования.

Известно, насколько велика роль внешней угрозы в формировании и изменении этнического самосознания и общественных настроений в целом. Предчувствие войны было психологической доминантой общественной жизни. *Пронаталистская* (поощряющая рождаемость) политика европейских государств, похоже, черпала соки в этом «коллективном бессознательном». Отношение населения к такой политике, как это часто случается, было двойственным: признавая право государства на вмешательство в репродуктивное поведение граждан «в принципе», люди без особых угрызений совести обходили идущие «сверху» запреты в своей повседневной жизни.

Во Франции, где рождаемость начала снижаться раньше, чем в других странах Европы,⁹ эта тенденция многими учеными, общественными и политическими деятелями рассматривалась как угроза самому существованию французской нации. Дополнительным источником беспокойства служило то, что население Франции с каждым годом все более значительно уступало по численности населению Германии.¹⁰ Проведение активной пронаталистской политики в таких условиях представлялось необходимым и вполне естественным. В 1920 г. во Франции были запрещены аборт и антинаталистская (направленная против рождаемости) пропаганда, не допускалась продажа контрацептивов (за исключением презервативов, которые рассматривались как способ борьбы с венерическими заболеваниями).¹¹ Примером тесного переплетения военных и демографических соображений является утверждение, что аборт «уничтожает во Франции каждый год больше детей, чем война 1914 г. ежегодно уносила французских солдат».¹²

В период между двумя мировыми войнами широкое распространение получила злоеущая идея улучшения «качества» населения путем демографической селекции «человеческого материала». Нацистский режим в Германии сформировал этнически дифференцированную политику рождаемости, ставшую одним из элементов геноцида в отношении других народов. Для немцев такая политика предусматривала кредиты для новобрачных, наказание за произ-

⁹ Общий коэффициент рождаемости во Франции в начале века составлял 21,6 ‰, тогда как в Англии и Уэльсе – 28,7 ‰, в Германии – 35,2 ‰, Италии – 33,4 ‰. См. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М.: ОГИЗ, 1941. С. 214.

¹⁰ По расчетам Б. Ц. Урланиса, в неизменных границах 1914 г. население Франции составляло: в 1900 г. – 38,9 млн человек, в 1930–39,5 млн.; население Германии, соответственно, 56,4 и 72,0 млн человек. – Там же. С. 414–415.

¹¹ *Аничкин А. Б., Каринский С. С.* Демографическая политика в капиталистических странах // Демографическая политика в современном мире / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Наука, 1989. С. 112–113.

¹² *Boverat F.* Comment nous vaincrons la denatalité. P., 1939. P. 41. Цит. по кн.: Демографическая политика... С. 115.

водство аборт, моральную и материальную поддержку детей, рожденных вне брака. Рождение четырех или более детей объявлялось делом чести немецкой женщины.

В отношении поработанных народов гитлеровцами проводилась противоположная политика. Гитлеровским ведомствам, действовавшим на оккупированных территориях Польши и СССР, предписывалось всячески пропагандировать среди поляков, русских, других славянских народов аборт и контрацептивные средства и подчеркивать тяготы и «вредность» материнства.¹³

Мрачной и все еще не до конца исследованной страницей истории является практика принудительных стерилизаций, которые проводились в скандинавских странах почти полвека и были прекращены лишь к 70-м гг. XX в. Здесь сплелись в один клубок страхи перед «вырождением», имевшие широкое хождение в Европе тех лет, научные заблуждения евгеники, вера в возможность хирургическим путем отсечь от общества «генетически отягощенные» (а в более радикальном варианте идеи и любые маргинальные) слои населения.

В период между двумя мировыми войнами в Северной Европе вполне демократическим путем были приняты законы, допускавшие принудительную стерилизацию: в Дании в 1929 г., в Швеции и Норвегии – в 1934 г., в Финляндии – в 1935 г. При этом в скандинавских странах насильственная стерилизация душевнобольных воспринималась как вполне допустимая с этической точки зрения мера, принимаемая в интересах большинства населения. В датском парламенте против закона о стерилизации голосовало только 6 депутатов-консерваторов. В Финляндии против принятия закона выступило несколько левых социалистов. Единственной группой населения, активно отвергавшей стерилизацию (в особенности после появления в 1930 г. направленной против евгеники папской буллы *Casti connubii*), были немногочисленные в Северной Европе католики.¹⁴

В Швеции инициаторами закона были социал-демократы, которые, в отличие от немецких нацистов, использовали не мистическую расовую, а вполне «рациональную» экономическую аргументацию. Считалось, что, поскольку государство субсидирует семьи с детьми, деторождение нельзя рассматривать как сугубо приватную область человеческой жизни. Гуннар Мюрдаль (будущий нобелевский лауреат по экономике) доказывал, что стерилизация умственно неполноценных представляет собой необходимый элемент «великого социального процесса приспособления» человека к современному городскому и индустриальному обществу. Он утверждал, что рост благосостояния влечет за собой рост числа рождений психически больных, а значит, государство имеет право на вмешательство в случаях, сомнительных с точки зрения евгеники.¹⁵ Однако оказалось, что границу между насильственными стерилизациями, проводимыми на основе социально-экономических и расовых аргументов, легко нарушить: в 1942 г. коллаборационистским режимом Квислинга в Норвегии был принят закон, оправдававший применение подобной меры расовыми соображениями.

Два послевоенных десятилетия. Этот период, подготовил социально-политические, психологические и экономические основы грядущих изменений демографического поведения. С каждым годом все более вызревали причины, которые впоследствии привели к «уходу» государства из сферы контроля демографического поведения.

---

¹³ Анализ демографической политики нацистов содержится в книге *Poliakov L. Harvest of Hate: The Nazi Program for the Destruction of the Jews of Europe*. N. Y., 1954; в статье *Woman in Third Reich*, размещенной на сайте Американского мемориального музея холокоста // <http://www.ushmm.org>; статье М. Перри «Как можно больше абортов!», размещенной на сайте «В защиту жизни» // <http://pms.orthodoxy.ru> и других работах.

¹⁴ *Россиянов О. К.* Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники (Размышления над книгой *Eugenics and the Welfare State: Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway, and Finland*. Ed. by Gunnar Broberg and Nils Roll-Hansen. East Lansing: Michigan State U. Pr., 1996.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1.

¹⁵ *Россиянов О. К.* Указ. соч.; *Drouard A.* A propos de l'eugenisme scandinave. Bilan les recherches et travaux recent // *Population*. 1998. № 3. P. 633–642.

На протяжении первых послевоенных десятилетий в массовом сознании европейцев произошли существенные сдвиги. Военная угроза не ушла в прошлое, но воспринималась совсем не так, как прежде. Создание НАТО и «Общего рынка», прообраза будущего Европейского Союза, делало войну между Францией и Германией не только политически невозможной, но и экономически бессмысленной.

Угроза атомной войны с СССР оставалась для европейцев вполне реальной, однако в массовом сознании доминировало ощущение, что ее нельзя выиграть, но можно и нужно предотвратить. Спасение от гибели в ядерной войне виделось в собственном оружии сдерживания, американском «ядерном зонтике» и мирных переговорах с СССР, но отнюдь не в наращивании численности потенциальных призывников. Нежелание людей участвовать в каких-либо военных конфликтах достаточно явно проявилось в очевидном неприятии французской молодежью колониальной войны в Алжире.

Политика европейских государств в демографической сфере до поры до времени не реагировала на эти перемены в сознании людей и определялась скорее итогами Второй мировой войны. Если в послевоенной Западной Германии даже обсуждение вопроса о целесообразности государственного стимулирования рождаемости стало политически невозможным, то в нейтральных странах и державах-победителях расставание государства с функциями контроля сексуального и репродуктивного поведения происходило значительно медленнее. В скандинавских странах продолжали действовать законы, допускавшие насильственную стерилизацию. Число этих операций в Швеции достигло максимума в 1949 г., когда была проведена 2351 стерилизация. В дальнейшем число стерилизаций снизилось и составляло 1500–1900 в год. Во Франции аборт и пропаганда контрацепции по-прежнему оставались под юридическим запретом.

Революции 1960-х: майская, сексуальная и другие. Ситуация начала резко меняться во второй половине 60-х гг., в период перехода от «индустриального» к «постиндустриальному» капитализму. Знаковыми событиями, обозначившими такой переход, были молодежные волнения второй половины 60-х гг. В США, Германии и Франции происходили массовые акции протеста, достигшие своего апогея в мае 1968 г. в Париже.

История майских событий во Франции многократно описывалась очевидцами. В самом кратком изложении их канва была следующей.

3 мая 1968 г. в Сорбонну, знаменитый парижский университет, расположенный в Латинском квартале, на левом берегу Сены, были введены полицейские силы, разогнавшие студенческий митинг. Университет был временно закрыт.

Автономию университетов во Франции принято уважать еще со средних веков. Не удивительно, что полицейская акция вызвала возмущение не только студентов и профессоров, но и других обитателей Латинского квартала – интернациональной богемы, художников, литераторов, интеллектуалов, отношения которых с властью всегда были, мягко говоря, сложными. 10 мая силы CRS (спецподразделения по подавлению массовых беспорядков) сумели захватить баррикады в Латинском квартале, при этом сотни людей были арестованы, получили ранения, иногда очень серьезные. Это вызвало новые демонстрации протеста, собиравшие уже до полу-миллиона манифестантов.

В поддержку студентов высказались многие деятели науки и культуры; начали всеобщую забастовку рабочие. Число забастовщиков, по официальным оценкам, достигло 9 млн человек. В обществе возникло опасение, что страна находится на пороге гражданской войны. Лишь в июне президент Франции генерал Шарль де Голль (1890–1970), уже завершавший в то время свой политический и жизненный путь, смог консолидировать ряды своих сторонников, прекратить беспорядки и распустить ряд молодежных организаций. Студенты между тем начали покидать Париж и разъезжаться по домам, поскольку приближалось время летних каникул. 23 и 30 июня 1968 г. сторонники де Голля и их политические союзники одержали решительную

победу на выборах во французский парламент. «Майская революция», как казалось ее участникам, закончилась поражением.

В контексте нашей темы отдельный интерес представляет эпопея с захватом студентами женских общежитий, послужившая прологом к майским событиям. Даниель Кон-Бендит, один из тогдашних лидеров молодежного восстания, излагает ее следующим образом. «Наряду с идеологическим прорывом развивалось мощное наступление на монашеские университетские установления и, в особенности, на ханжеское вмешательство в личную жизнь студентов, проживающих в университетских общежитиях. Фактически эта борьба была лишь началом генерального наступления на университетские порядки. В 1967 г. происходили постоянные стычки между администрацией и группой студентов, полных решимости обнажить репрессивную структуру того, что скрывалось под именем университета, но в действительности было топким болотом интеллектуального разложения. Вначале студенты пригласили экспертов по планированию семьи и с их помощью, опираясь на политические, социальные и революционные теории Вильгельма Райха, начали в университетском городке кампанию сексуального просвещения. Ее кульминацией стали силовые захваты студентами-мужчинами женских общежитий, в результате чего многие мелочные ограничения, ограждавшие эти бастионы французской чистоты и непорочности, были сняты... Ограничительные правила, принятые в общежитиях, были отменены 5 декабря в Клермон-Ферране, 21 декабря в Нанте и 14 февраля 1968 года в университетах других городов».¹⁶

Рассказ другого участника событий не столь красочен. «Де Голль построил много технических университетов, так как хотел создать новую технократическую Францию. В университете Нантера все и началось. Были общежития женские и мужские, и женщинам не разрешалось ходить в мужские, а мужчинам – в женские. В январе – феврале среди студентов началось движение против этих ограничений, но оно пошло дальше и превратилось в движение за права студентов, за право на свободное самовыражение, за то чтобы студенты имели больше власти. Нантер стал основным центром студенческого движения».¹⁷

Анализ майских событий 1968 г. выходит за пределы данной работы. Мы отметим лишь одно, принципиально важное с точки зрения нашей темы обстоятельство. Главным действующим лицом «парижского восстания» было поколение бэби-бума – те, кто появился на свет в годы послевоенного всплеска рождаемости. Это поколение громогласно заявило о своем презрении едва ли не ко всем «правилам игры», которых придерживались старшие, и потребовало перемен. Сфера сексуальных отношений не была исключением. «Революционные» захваты общежитий были вполне очевидным сигналом: молодежь не желала больше мириться с контролем сексуального поведения со стороны кого бы то ни было, и в первую очередь государства. Поколение бэби-бума демонстрировало совсем иную модель поведения, чем их предшественники. Предыдущие поколения искали пути, чтобы обойти государственные запреты, но не ставили под сомнение их легитимность. «Бэби-бумеры» требовали отмены самих запретов.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Хотя настенные лозунги эпохи «майской революции» убеждали в том, что «нельзя влюбиться в рост промышленного производства», общество в целом отнюдь не теряло чувство реальности. В мае 1968 г. призывы к переустройству экономической системы слышались повсеместно, обитатели Латинского квартала сбрасывали на головы служителей правопорядка цветочные горшки, случались поджоги, множество людей получили травмы, но голода, террора, эпидемий – всех тех бедствий, которыми так часто сопровождаются революции, – не было.

---

¹⁶ Cohn-Bendit D., Cohn-Bendit G. Obsolete Communism: The Left Wing Alternative // <http://ledpup.dyns.net/RedThread/Webpages/Texts/Cohn-Bendit/TheStudentRevolt.html>.

¹⁷ Букчин М. Некоторые аспекты стратегии и тактики в деятельности левого и экологического движения на локальном уровне в беседах с «Хранителями радуги» // <http://tw2000.chat.ru/b0502.htm>.

Социальные потрясения второй половины 1960-х гг. лишь слегка коснулись показателей смертности и продолжительности жизни. Во Франции в эти годы наблюдалось прекращение роста продолжительности жизни (табл. 1.4), имел место рост смертности от внешних причин; близкие тенденции наблюдались и в ФРГ, однако начиная с 70-х гг. увеличение продолжительности жизни возобновилось.

Таблица 1.4. Динамика продолжительности жизни во Франции в 1950–2006 гг.

Пол	1950	1966	1967	1968	1969	1970	1985	2006
Мужчины	63,4	67,8	67,8	67,8	67,5	68,4	71,3	77
Женщины	69,2	75,1	75,2	75,2	75,1	75,8	79,3	84

Источники: Shkolnikov V., Mesle F., Vallin J. La crise sanitaire en Russie // *Population*. 1995. № 4–5. Pp. 967–968; World Population Data Sheet 2006. P. 9

Изменение фокуса социального контроля. Итоги молодежных волнений 60-х гг. оценивались по-разному. Сами участники событий поначалу считали, что «революция» проиграла сражение «системе». По прошествии нескольких десятилетий выяснилось, однако, что многое из того, чего добивались студенты университетов в Беркли, Нантере и Париже, в той или иной форме воплотилось в жизнь. Это касается и демографической сферы.

Проследим, например, изменения во французском законодательстве. 28 декабря 1967 г. во Франции был обнародован закон, который привел к фактической легализации контрацепции. Однако и в нем по-прежнему содержался ряд ограничений: не разрешалось возмещение расходов на контрацепцию из средств социального страхования, учреждался документальный учет, позволявший контролировать выписку рецептов и продажу противозачаточных пилюль, молодежь в возрасте до 21 года должна была пользоваться контрацептивами с согласия родителей. Эти ограничения были сняты лишь в 1974 г.: в частности, лица старше 18 лет могли получать контрацептивы без согласия родителей и сохранять это в тайне. Кроме того, предусматривалось создание подразделений по планированию семьи при каждом центре по охране материнства и детства.¹⁸ В 1975 г. был принят закон, существенно расширивший перечень причин, по которым может быть проведено искусственное прерывание беременности, а с 1979 г. женщине предоставлялась возможность при необходимости прерывать беременность в первые 12 недель.

В том же направлении развивались события и в других странах Северной и Западной Европы. Законы, легализующие аборт, были приняты в Англии в 1967 г., в Дании – в 1973 г., Швеции – в 1974 г., ФРГ – в 1976 г.¹⁹ С 1999 г. шведское государство выплачивало компенсацию женщинам, которые в период с 1935 по 1975 г. подверглись насильственной стерилизации. Приблизительно 1700 человек получили по 175 тысяч крон (19 200 евро) каждый. К середине 2003 г. были удовлетворены около 20 % требований о компенсации.²⁰

Направляется поддерживаемый многими исследователями вывод: молодежные волнения второй половины 1960-х гг. «подтолкнули» правительства к либерализации законодательства в демографической сфере. Однако это, как мне кажется, только часть правды.

Молодежные волнения второй половины 1960-х гг. были знаковыми событиями, сопровождавшими переход промышленно развитых стран Запада к новому обществу, которое до

¹⁸ Guibert-Lantoine C., Leridon H. La contraception en France: un bilan apres 30 ans de libéralization // *Population* vol. 53, № 4. P. 785–812.

¹⁹ Аничкин А. Б., Каринский С. С. Указ. соч. С. 114.

²⁰ Suede: un page tourné sur les stérilisations forcées // *Libération*, 16 juillet 2003; В Швеции насильно стерилизовали людей // Будьте здоровы. Столичный медицинский портал. 17 июля 2003 г. // <http://www.lpu.ru/news>

сих пор не имеет общепринятого названия. В 1967 г. Ги Дебор называл его «обществом спектакля», который «служит тотальным оправданием условий и целей существующей системы... и перманентным присутствием этого оправдания, ибо он занимает основную часть времени, проживаемого вне рамок современного производства».²¹ Позднее, вместе с развитием самого феномена, появились иные наименования: программируемое общество, постиндустриальное общество, информационное общество, общество эпохи постмодерна, общество риска, индивидуализированное общество.²² Все названия так или иначе символизируют разрыв с прежней эпохой – временем *modernity*,²³ индустриального капитализма, его духовными ценностями и идеалами.

Переход к постиндустриальному обществу включал в себя изменения не только в экономике, но и в направленности социального контроля, а также в механизмах власти. Социальный контроль представляет собой способ, которым социум стремится направить личные устремления человека в желательном (или, в крайнем случае, приемлемом) для общества направлении. Важнейшую роль в осуществлении социального контроля играют формальные и неформальные институты общества, в том числе государство. Государственный контроль – лишь один из способов социального, причем часто весьма дорогой и чреватый недовольством властями (в современных западных обществах государство и его институты все время находятся «под подозрением»: не берут ли они на себя слишком много, не узурпируют ли права личности). Все это приводит к тому, что в обществах западного типа государственный контроль концентрируется на «узловых» направлениях общества, там, где без него невозможно обойтись.

Но относилось ли демографическое развитие к таким направлениям? В Северной и Западной Европе первой половины XX столетия – да, прежде всего по причинам военно-политического характера. Во второй половине того же столетия – уже нет. В 50–60-е гг. прошлого века государство «по инерции» еще пыталось «рулить» демографическим поведением, но, столкнувшись с организованным сопротивлением в ходе молодежных восстаний 1960-х гг., сразу же отступило на заранее подготовленные позиции.

Да и кому, в самом деле, был нужен ставший одиозным государственный демографический контроль? Парламентариям? Но им он сулил только «политическую смерть» от рук новых поколений избирателей. Генералам? Но для них критически важным было получение (от тех же парламентариев) ассигнований на создание вооружений нового поколения. Транснациональным корпорациям? Да зачем?!

В представлении российских западников уничтожение «госконтроля» демографического поведения в Западной и Северной Европе – часть охватившего человечество процесса демократизации, освобождения личности от пут институционального контроля, которым связывали человека община, церковь, государство, семья. Они рисуют фигуру нарождающегося «нового человека» – свободного, гордого, способного быть хозяином своей судьбы и нести бремя ответственных решений. На мой взгляд, это еще одна отлитая в художественные формы пропагандистская иллюзия.

Общество всегда так или иначе манипулирует индивидом, наставляя его на «путь истинный». Без этого оно просто развалится. Меняются лишь цели и технологии управления. Сейчас на первое место вышли электронные СМИ, реклама, массированная обработка сознания

²¹ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1993. С. 13. Книга впервые издана во Франции в 1967 г. Ги Дебор (Guy Debord) был лидером небольшой группы критически настроенных интеллектуалов, называвших себя «ситуационистским Интернационалом», и одним из духовных вдохновителей событий 1968 г. Покончил с собой в 1994 г.

²² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002; Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969; Bell D. The coming of postindustrial society. N. Y., 1973.

²³ При переводе термина *modernity* на русский язык возникают известные сложности, поскольку его буквальный перевод – *современность*, то есть то, что имеет место сейчас, – не отвечает смыслу, который вкладывается в него западными учеными. По их мнению, Запад уже прошел период *modernity* и живет сейчас в эпохе постмодерна (*postmodernity*).

потребителя и избирателя.²⁴ А сексуальное поведение, браки, разводы, рождение детей? Для наиболее мощных социальных и политических игроков Запада это сегодня дело второстепенное.

Государство благосостояния и переход от демографической к семейной политике. Говоря о специфике рассматриваемого региона, нельзя упускать еще одну важнейшую особенность его новейшей истории. Резко ограничив контроль сексуального и репродуктивного поведения людей, государство в странах Северной и Западной Европы отнюдь не отказалось от своих обязанностей в сфере здравоохранения, социального обеспечения нетрудоспособных, начального и среднего, а во многом, и высшего образования, охраны окружающей среды, помощи семьям с детьми и малоимущим. Эту область деятельности государства часто обозначают термином «государство благосостояния» (*welfare state*), хотя, возможно, более точным был бы другой перевод – «социальное государство». Главная функция государства благосостояния – смягчать последствия непредсказуемой игры рыночных сил, обеспечивать определенный уровень независимости индивида от колебаний рыночной конъюнктуры и других превратностей судьбы и гарантировать ему некий минимум средств к существованию.

Модели государства благосостояния, постепенно сформировавшиеся в развитых странах мира, отличаются друг от друга и имеют достаточно выраженную географическую локализацию. Более того, такие исследователи, как Э. Мoberг и Б. Ротстейн, подчеркивают, что, несмотря на глобализацию экономики, национальные модели государства благосостояния не обнаруживают тенденции к сближению.²⁵ Как это обычно бывает в науке, существует несколько не совпадающих друг с другом классификаций государств благосостояния; наиболее известная принадлежит шведскому ученому Г. Эспинг-Андерсену.²⁶ Тем не менее, большинство классификаций противопоставляют те типы государства благосостояния, которые сложились в Северной и Западной Европе, южноевропейской и североамериканской моделям: две первые являются намного более щедрыми по отношению к индивиду, чем две последние.

Североевропейский тип государства благосостояния, характерный для Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции, безусловно, представляет собой уникальный социально-культурный феномен. Л. В. Церкаевич²⁷ выделяет комплекс взаимосвязанных особенностей североевропейского социального государства, среди которых особого внимания в контексте нашего исследования заслуживают:

- большая активность социал-демократов и представителей левых сил в общественной жизни;
- большая доля общественного сектора по сравнению с другими европейскими странами;
- высокая политическая и экономическая активность женщин;
- охват системой всеобщего благосостояния всех социальных слоев населения (за это скандинавскую модель часто называют «универсальным» государством благосостояния);
- существование специфической скандинавской культуры труда и этики бизнеса;
- особое внимание к экологическим проблемам.

По данным ОЭСР, Швеция в 1993 г. стала рекордсменом по доле расходов государственного (*public*) сектора на социальные нужды (36,4 % ВВП страны). В последующие годы значение данного показателя заметно снизилось, однако и в начале XXI в. Швеция уступала пальму первенства по доле расходов государственного сектора на социальные нужды только Дании.

²⁴ Подробнее см. изложение выступления автора в петербургском Доме ученых на обсуждении книги Б. Н. Миронова «Социальная история России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 2. С. 181–182.

²⁵ Rothstein B. The Universal Welfare State as a Social Dilemma // Rationality and Society. 2001. Vol. 13, issue 2. Pp. 213–233; Erik Moberg's comment // <http://www.mobergpublications.se/positions/comment4.htm>.

²⁶ Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.

²⁷ Церкаевич Л. В. Социальная политика и стратегия ее реализации в странах Европейского Союза. СПб.: Изд-во СПб-ГУЭФ, 2003. С. 109.

«Континентальная» модель государства благосостояния, представленная на большей части Западной Европы, часто не так щедра, как североευропейская. Она в большей степени опирается на страховой принцип финансирования (за счет взносов работодателей и работников) и в относительно меньшей – на бюджетное финансирование. В ее основе лежит, скорее, принцип страхования работающего населения от экономических рисков (прежде всего – от безработицы), а не принцип поддержки любого гражданина страны, свойственный североευропейской модели. Однако и она обеспечивает гражданам гораздо больший объем социальной поддержки по сравнению с южноевропейской и североамериканской моделями (табл. 1.5).

Особый случай – государство благосостояния в Великобритании. Его обычно определяют как особую разновидность либеральной модели, основанную на идеях британского экономиста У. Бевериджа (1879–1963). Он подчеркивал, что государство, взяв на себя часть социальных расходов, улучшит качественные характеристики рабочей силы и уровень мотивации британских рабочих, а это будет способствовать повышению конкурентоспособности британских товаров. Концепция Бевериджа после Второй мировой войны была положена в основу социальной политики Великобритании. Либеральная модель государства ставит во главу угла принцип опоры на собственные силы, полагая, что социальную помощь (причем не слишком щедрую) надо оказывать только наиболее обездоленным слоям населения. Тем не менее, британская разновидность либеральной модели отличается относительно большими объемами социальной помощи по сравнению со странами классической либеральной модели – США, Канадой и Австралией.

Таблица 1.5. Некоторые характеристики государства благосостояния в некоторых наиболее развитых странах мира

Страна	Доля социальных расходов государственного сектора в ВВП, %		Доля расходов на семейную политику в ВВП, % (2001)
	1993	2003	
Северная Европа			
Дания	28,6	27,6	3,8
Финляндия	29,9	22,5	3,0
Швеция	36,2	31,3	2,9
Западная Европа			
Бельгия	27,0	26,5	2,3
Великобритания	21,0	20,1	2,2
Германия	26,1	27,6	1,9
Нидерланды	30,9	28,1	1,1
Франция	28,1	28,7	2,8
Южная Европа			
Италия	20,9	24,5	1,0
Испания	23,2	20,3	0,5
Другие наиболее развитые страны			
Австралия	16,5	17,9	2,8
США	15,3	16,2	0,4
Канада	212	17,3	0,9
Япония	12,5	17,7	0,6

Источник: OECD (2006), Social Expenditure Database.

В католической Южной Европе издавна считалось, что основную роль в социальной поддержке нуждающихся должны играть семья и благотворительные организации. Лишь наиболее развитая из этих стран, Италия, в 1990-е гг. стала постепенно приближаться к ведущим западноевропейским государствам по показателю доли социальных расходов государственного сектора в ВВП, однако пока не догнала их. В США роль государственного бюджета в поддержке малоимущих всегда была относительно небольшой. Налоговая система здесь поощряет частную благотворительность; государственная помощь оказывается беднейшим группам населения и требует обязательного подтверждения низкого материального статуса. Получение государственной помощи в известной степени «стигматизирует» индивида, свидетельствует о его низком социальном статусе. Таким образом, именно регион Северной и Западной Европы на протяжении всего рассматриваемого нами периода отличался наибольшей щедростью государства благосостояния (социального государства) по отношению к своим гражданам.

Доля социальных расходов государственного сектора (*public sector*) в Европейском Союзе (в составе 15 государств) выросла с 22,9 % ВВП в 1985 г. до 26,9 % в 1993 г., после чего начала понемногу сокращаться (23,9 % в 2003 г.). Значения рассматриваемого показателя в Северной

и Западной Европе по-прежнему намного выше, чем за океаном. П. Райан, перефразировав в этой связи известную ремарку Марка Твена, замечает, что слухи о смерти государства благосостояния, распускаемые ярыми либералами, сильно преувеличены.²⁸

Самостоятельной, хотя и связанной с развитием государства благосостояния областью социальной политики является семейная политика. Семейная политика направлена на поддержку семьи как социального института и оказание помощи определенным группам семей (молодым семьям, семьям с детьми, одиноким матерям и т. д.), однако, в отличие от демографической политики, непосредственно не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства.

Хотя озабоченность низкой рождаемостью в странах Северной и Западной Европы высказывается весьма часто, в том числе и на правительственном уровне, здесь предпочитают говорить о семейной политике, не провозглашающей (по крайней мере, открыто) собственно демографических целей. Проведение семейной политики обосновывается прежде всего общесоциальными соображениями: общество заинтересовано в том, чтобы дети рождались здоровыми и могли получить полноценное воспитание и образование, а родители – совмещать профессиональную карьеру и семейные обязанности.

Основными направлениями семейной политики являются:

- социальная защита матери в период беременности и в послеродовой период (оплачиваемые отпуска и т. д.);
- отпуска (как правило, частично оплачиваемые) родителям (не обязательно именно матери) по уходу за ребенком на протяжении первых лет его жизни;
- субсидирование услуг, которыми пользуется семья: присмотр за маленькими детьми, образование, здравоохранение и т. д.;
- универсальные детские пособия, выплачиваемые независимо от доходов семьи;
- дополнительные пособия бедным семьям, зависящие от заработка родителей;
- меры налоговой политики (налоговые льготы семьям, имеющим детей, и т. д.).

Генезис семейной политики в странах Северной и Западной Европы на протяжении рассматриваемого периода был различен. Различия во многом были обусловлены спецификой национальных моделей социального государства и стоящих за ними идеологических и политических концепций. Водоразделы пролегают по двум осям: отношению к роли государства и отношению к изменениям в сфере семьи и отношений между полами. На современном Западе наиболее влиятельными в идейном плане оказываются сегодня три позиции по данным вопросам.

Сторонники первой из них сочувственно относятся как к широкому вмешательству государства в рыночную экономику (с целью смягчить ее несовершенства), так и к новейшим изменениям в семейной сфере (здесь проповедуется толерантность, толерантность и еще раз толерантность). В странах Северной и Западной Европы подобные взгляды сегодня, вероятно, популярнее, чем где-либо еще в мире. Их выразителями часто выступают социалистические и социал-демократические партии. Представители данного политико-идеологического течения обычно весьма сочувственно относятся к семейной политике, подчеркивая при этом первостепенную важность мер, направленных на достижение гендерного равенства и «примирение» профессиональных и родительских ролей, а также поддержку одиноких родителей.

Сторонники второй позиции также толерантны к новейшим изменениям в семейной сфере, однако, в отличие от социал-демократов и социалистов, являются приверженцами свободного рынка и минимального государства. Не удивительно, что их отношение к семейной

---

²⁸ Ryan P. Review of *On Worlds of Welfare: Institutions and their Effects in eleven Welfare States*, by J. M. Wildeboer Schut, J. C. Vrooman and P. T. de Beer (Social and Cultural Planning Office, the Hague, Netherlands; 2001) and *Changing Labour Markets, Welfare Policies and Citizenship*, edited by Jorgen Goul Andersen and Per H. Jensen (Policy Press, Bristol, UK; 2002) // <http://www.kcl.ac.uk/depsta/pse/mancen/staff/ryan/rew03WK.pdf>.

политике является, мягко говоря, прохладным. В действительно свободном обществе, полагают они, подавляющее большинство семей не нуждаются в государственном вспомоществовании. Комплекс подобных взглядов часто называют праволиберальным.

Сторонники третьей, правоконсервативной позиции решительно выступают за традиционные христианские семейные ценности, считая их фундаментом государства. При этом они, как и проповедники праволиберальных взглядов, являются поборниками свободного рынка. Эпицентром консерватизма сегодня являются США. Американские консерваторы доказали свое политическое влияние во время двух последних президентских кампаний, завершившихся победой Дж. Буша. Отношение консерваторов к семейным пособиям обычно является весьма сдержанным. В то же время кампанию администрации Дж. Буша по пропаганде вступления в брак они встретили с энтузиазмом.

Различия в генезисе семейной политики в странах Северной и Западной Европы были в значительной степени обусловлены особенностями их послевоенной истории.

Во Франции переход от демографической к семейной политике был постепенным. Начиная с 1970-х гг. по причинам, о которых уже говорилось ранее, чисто «демографическое» обоснование необходимости государственных семейных пособий, уступило место иной, более широкой социальной аргументации.

Это, однако, не привело к уменьшению ассигнований – дети по-прежнему рассматриваются как «общественное благо», и заботу об их воспитании должны нести не только родители, но и государство. «Демографическая» направленность некоторых элементов французской семейной политики сохранилась до настоящего времени. Так, семейные пособия (*allocations familiales*) выплачиваются только семьям, имеющим двух и более детей, и дифференцированы в зависимости от числа детей. По состоянию на начало 2004 г. пособие на семью, в которой воспитывалось двое детей, составляло 113 евро и далее увеличивалось на 144 евро с каждым следующим ребенком.²⁹ Семейные пособия, размер которых относительно невелик, составляют, однако, лишь меньшую часть социальных трансфертов, получаемых семьями. К числу таких трансфертов, в частности, относятся: материнские отпуска в дородовой и послеродовой период; частично, а в ряде случаев и полностью оплачиваемый отпуск по уходу за детьми до достижения ими трех лет; субсидирование услуг по присмотру за детьми дошкольного возраста; пособие одинокому родителю, воспитывающему ребенка (707 евро плюс 177 евро на каждого следующего ребенка); налоговые скидки, учитывающие состав семьи, пособия на оплату жилья и целый ряд других.

В ФРГ, где государственные меры, направленные на повышение рождаемости, в первые послевоенные десятилетия ассоциировались с периодом, когда у власти были нацисты, семейная политика никогда не обосновывалась необходимостью увеличить рождаемость. Идеологическую основу семейной политики в ФРГ составляли ценности христианской демократии (длгое время у власти в ФРГ бессменно находилась коалиция ХДС—ХСС). В первые десятилетия существования ФРГ ее социальная политика исходила из того, что семья в идеале должна базироваться на традиционном распределении ролей между супругами: мужа-кормильца и жены-домохозяйки. Коллективные договоры между работодателями и профсоюзами, игравшие в социальной и экономической политике ФРГ весьма важную роль, строились таким образом, чтобы даже неквалифицированный рабочий, содержащий жену и двоих детей, мог обеспечить им прожиточный минимум. Важнейшим элементом семейной политики стали налоговые скидки семьям, имеющим детей, а также определение базы налогообложения на основе дохода семьи в целом, что экономически поддерживало семьи, в которых жены не работали.

В целом такая политика соответствовала реалиям того времени: в 1950-е гг. в ФРГ работала только четверть женщин, имевших детей в возрасте до 14 лет. Для ФРГ тех лет было

²⁹ Le regime francais de securite sociale // http://www.cleiss.fr/docs/regimes/regime_france3.html.

характерно отрицательное отношение к развитию сети государственных детских дошкольных учреждений, поскольку считалось, что это способствует распространению «тоталитарной» практики, направленной на то, чтобы «украсть» детей у семьи.

Общественное мнение признавало занятость женщины, имеющей маленьких детей, морально оправданной только в случае, когда это было вызвано жесткой экономической необходимостью (допустимым считалось также участие в семейном бизнесе).³⁰

В соответствии со ст. 6 Конституции ФРГ брак и семья находятся под особой защитой государства, а каждая мать имеет право на защиту и поддержку общества. С 1954 г. в стране существует Министерство по делам семьи. Тем не менее, семейную политику в ФРГ нельзя назвать высокоцентрализованной. Одним из основополагающих принципов, на которых базируется социальное государство в ФРГ, является принцип дополнительности: вышестоящие звенья управленческой иерархии не должны решать задачи, которые могут быть делегированы нижестоящим звеньям либо решены неправительственными организациями. Многие задачи семейной политики решаются поэтому на региональном уровне, вследствие чего характеристики мероприятий варьируются от региона к региону,³¹ а законодательство направлено на создание максимально благоприятных условий для эффективного функционирования неправительственных организаций.

Важнейшей тенденцией семейной политики, четко обозначившейся в странах Северной и Западной Европы в последние десятилетия, стал отказ от преимущественной ориентации на модель семьи с одним кормильцем-мужчиной. В качестве важнейшего приоритета стала рассматриваться помощь родителям в совмещении их профессиональных и семейных ролей. Европейская Комиссия (один из руководящих органов ЕС) определяет цели в этой области следующим образом: «Социальная защита должна способствовать успешному сочетанию профессиональной деятельности и семейной жизни... что является не только вопросом обеспечения равных возможностей для мужчин и женщин, но также – в свете происходящих демографических изменений – и вопросом экономической необходимости».³²

Новые тенденции в семейной политике стали следствием взаимосвязанных изменений в демографическом поведении европейцев и занятости женщин. В Западной Европе, для которой прежде был характерен относительно низкий уровень женской занятости, ее рост в последние полтора десятилетия стал вполне очевидным (табл. 1.6). И только в Финляндии и Швеции, где уровень занятости женщин в экономике уже к началу 1990-х гг. был значительно выше, чем в остальных частях западного мира, тенденция оказалась иной. Уровень занятости женщин, имеющих детей в возрасте до 6 лет, изменился несколько меньше и вырос только в некоторых странах, к числу которых относятся Франция, ФРГ, Нидерланды.

Таблица 1.6. Доля занятых среди женщин в возрасте 15–64 лет в Северной и Западной Европы в 1989–2003 гг., %

³⁰ Seeleib-Kaiser M. Germany: still a conservative welfare state? // <http://www.apsoc.ox.ac.uk/Docs/MSeeleib04.pdf>.

³¹ Bahle Th. Family Policy in Germany: Towards a Macro-sociological Frame for Analysis.

³² A concerted strategy for modernizing social protection – COM (99) 347 final of 14.7.99. P. 10. Цит по: Family Benefits and Family Policies in Europe / Social security and social integration European Commission Directorate-General for Employment and Social Affairs Unit E. 2 Manuscript completed in June 2002.

Страна	1990	2005
Северная Европа		
Дания	70,6	71,9
Норвегия	67,2	71,7
Финляндия	71,5	66,5
Швеция	81,0	70,4
Западная Европа		
Бельгия	40,8	53,8
Великобритания	62,8	65,9
Германия	55,5	59,6
Ирландия	36,6	58,3
Нидерланды	50,3	66,4
Франция	46,7	57,6
Швейцария	66,4	70,4

Источники: OECD Database; Eurostat, Statistics in focus, Population and social conditions, 13/2006. EU Labour Force Survey – Principal results 2005 // http://www.finfacts.com/irelandbusinessnews/publish/article_10007244.shtml.

В последние десятилетия страны Северной и Западной Европы перестраивают свою семейную политику в соответствии с новыми реалиями. Во Франции, например, в 1960-е гг. важным элементом демографической политики были пособия, предоставляемые семьям, в которых работал только один из супругов. Предполагалось, что такие пособия позволят женщинам не «разрываться» между материнской и профессиональной ролями, увеличат рождаемость, а также повысят качество воспитания детей. Однако в 1970-х гг. размер этого вида пособия начал уменьшаться, его стали выдавать только семьям с низким уровнем доходов, а в 1978 г. и вовсе отменили.

В поисках альтернативных подходов, направленных на «примирение» семейных и профессиональных обязанностей, во многих странах Западной Европы была сделана ставка на расширение объемов услуг по уходу за детьми, субсидируемых из социальных фондов. Другим направлением семейной политики стало введение родительских отпусков по уходу за ребенком в течение первых лет его жизни. Большинство стран Северной и Западной Европы ввели такие отпуска в 1970–1980-е гг.; в настоящее время эти отпуска, как правило, являются частично оплачиваемыми.³³

Родительский отпуск во Франции предоставляется до достижения ребенком 3 лет и частично оплачивается путем назначения (по заявлению родителей) специального пособия, финансируемого из фондов социального страхования. Для тех, кто, находясь в таком отпуске, не имеет даже частичной занятости, размер пособия составлял на конец 2003 г. 495 евро.

Родительские отпуска ориентируют женщину на сравнительно небольшой перерыв в профессиональной карьере. Родительским отпуском может воспользоваться и отец ребенка, однако в подавляющем большинстве случаев это делают матери. Начиная с 2002 г. отцы во

³³ Neyer G. Family Policies and Low Fertility in Western Europe // www.ipss.go.jp/webj-ad/WebJournal.files/Population/2003_6/3.Neyer.pdf.

Франции имеют, кроме того, право на двухнедельный оплачиваемый отпуск после рождения ребенка. Для тех, кто занят в государственном секторе, этот отпуск оплачивается полностью за счет средств социального страхования; в частном же секторе существует предельная сумма выплаты, поэтому наиболее высокооплачиваемые работники редко используют «отцовские» отпуска.³⁴

Примерно по такому же сценарию развивались события и в Германии, где в середине 1990-х были введены законодательные акты, направленные на расширение предоставления субсидируемых услуг по уходу за детьми. С середины 1980-х гг. были введены родительские отпуска (по состоянию на конец 2003 г. один из родителей может в течение года получать пособие по оплате такого отпуска в размере до 460 евро в месяц или до 307 евро в месяц в течение 2 лет).³⁵

Влияние родительских отпусков на уровень занятости женщин пока не вполне ясно.

Как считают некоторые исследователи, длительные родительские отпуска вряд ли способствуют успешной карьере женщины и равноправию полов: за 2–3 года связь с прежним местом работы и профессиональные навыки утрачиваются. Оптимальными с этой точки зрения обычно называют отпуска продолжительностью от 20 недель до 10–12 месяцев. Это мнение, однако, не бесспорно, поскольку на выбор между работой и домом влияют многие обстоятельства. В Швеции, например, родительские отпуска длительны, а их оплата достигает 80 % от заработной платы. Тем не менее, доля занятых среди женщин в возрасте 15–64 года (72,8 %) оставалась в 2003 г. самой высокой среди стран ОЭСР. Как показало выборочное исследование, проведенное в конце 1990-х гг., в западных землях ФРГ родительским отпуском продолжительностью до 1 года воспользовались только 12 % тех, кто брал такие отпуска, тогда как от 1 до 2 лет – 15 %, более 2 лет – 73 %, в восточных землях (бывшая ГДР) – соответственно, 25, 37 и 38 %.³⁶

Поскольку для стран Северной и Западной Европы характерен быстрый рост внебрачной рождаемости, одной из задач семейной политики в этом регионе является реализация комплекса мер, направленных на то, чтобы создать нормальные условия для воспитания детей в семьях, где ребенка воспитывает один из родителей. Для таких семей риск оказаться за чертой бедности повышен, и одной из задач семейной политики становится снижение масштабов бедности в семьях с одним из родителей. В странах Северной и Западной Европы эту задачу пытаются решить с помощью пособий на детей, в том числе специального пособия для одиноких родителей, и бесплатного или льготного предоставления услуг по присмотру за детьми.

Политика государств Северной и Западной Европы в этом отношении существенно отличается от политики США, где пособия на детей являются менее щедрыми. В середине 1990-х в США за чертой бедности проживало 45 % одиноких матерей, тогда как во Франции только 13 %, что, впрочем, связано не только с различиями семейной политики, но и с различием профессионально-квалификационных характеристик одиноких матерей во Франции и США. Еще одно отличие от Европы состоит в том, что администрация Буша финансирует программу, направленную на пропаганду заключения браков, в которых многие американцы видят средство избавления от бедности и других социальных болезней.

Несколько особняком стоит вопрос о юридическом статусе внебрачных сожительств. Изменения в законодательстве, касающиеся прав пар, находящихся в незарегистрированном сожительстве, происходят с конца 1960-х гг. О полном уравнивании юридического статуса зарегистрированных и незарегистрированных браков говорить, однако, пока нет оснований. Так,

³⁴ *Letablier M.-T. Fertility and Family Policy in France* // www.ipss.go.jp/webj-ad/WebJournal.files/Population/2003_6/9.Letablier.pdf.

³⁵ *Statutory parental leave arrangements – end 2003* // http://www.vupsv.cz/parental_leave.pdf.

³⁶ *Family Policies in Germany. Third report for the project «Welfare Policies and Employment in the Context of Family Change»*. Drafted for the meeting 8–9 October in Utrecht, Netherlands. P. 18.

согласно Конституции ФРГ, брак и семья находятся под защитой государства. Это положение трактуется многими юристами в том смысле, что лица, находящиеся в юридически зарегистрированном браке, должны обладать преимущественным правом на налоговые и иные социальные льготы. Тем не менее, в конце 1990-х гг. в в ФРГ были законодательно уравнены права детей, родившихся в браке и вне брака, на получение наследства. Французское законодательство придерживается нормативной модели супружеской семьи не столь жестко, как немецкое, но и здесь пары, состоящие в официально зарегистрированном браке, имеют более широкий доступ к социальным пособиям и льготам по сравнению с теми, кто состоит во внебрачных союзах.³⁷

При рассмотрении семейной политики в странах Северной и Западной Европы, естественно, возникает вопрос о ее влиянии на уровень рождаемости в регионе. За последние десятилетия накопилась весьма разноречивая информация по данной проблеме (табл. 1.7), поэтому комментарии европейских экспертов отнюдь не отличаются единодушием.

Таблица 1.7. Влияние семейной политики стран Северной и Западной Европы на рождаемость

Факты, свидетельствующие о влиянии семейной политики на рождаемость	Факты, свидетельствующие о том, что влияние семейной политики на рождаемость носит ограниченный характер
Во Франции, где щедрая демографическая/семейная политика проводится на протяжении десятилетий, рождаемость выше, чем в большинстве развитых стран	В США, где семейная/демографическая политика не столь щедра, как в Северной и Западной Европе, рождаемость выше, чем в странах этого региона
В Северной и Западной Европе, где семейная политика является более щедрой, рождаемость выше, чем в странах Южной, Центральной и Восточной Европы, где на семейную политику тратится меньше средств	Во всех странах Северной и Западной Европы, за исключением Франции и Ирландии, рождаемость не обеспечивает замещение родительского поколения поколением детей и заметно ниже уровня простого замещения численности поколений
В Швеции после введения новых мер семейной политики рождаемость резко повысилась, превысив в 1990 г. уровень простого замещения численности родительского поколения поколением детей. В середине 2000-х гг. уровень рождаемости в Швеции (в среднем 1,7 рождения на женщину) был выше среднеевропейского (1,4)	Несмотря на реализацию ряда мер семейной политики, Швеции удалось лишь на короткое время достичь уровня простого воспроизводства населения
Большинство исследований свидетельствует, что наблюдается положительная, но слабая корреляция между активностью семейной политики и уровнем рождаемости в странах Северной и Западной Европы	

По мнению известного бельгийского демографа Р. Лестага, опыт последних десятилетий показывает, что проведение демографической политики, требуя значительных затрат, обеспе-

³⁷ *Le Goff J.-M.* Cohabiting unions in France and West Germany: Transitions to first birth and first marriage // *Demographic Research*. Vol. 7, article 18. Pp. 593–623.

чивает лишь кратковременный рост рождаемости.³⁸ Совершенно иную точку зрения высказывает М.-Т. Летаблиер, анализирующая причины, по которым уровень рождаемости во Франции является самым высоким в Европе. «Можно предположить, – пишет она, – что уровень рождаемости во Франции связан с тем, что государство оказывает поддержку семье. Семейная политика культивирует семейные ценности, создавая благоприятные условия для воспитания детей. Это оказалось возможным благодаря тому, что участие государства в делах семьи стало вполне легитимным, вследствие чего семья на протяжении многих лет рассматривалась как объект социальной политики. <...> Сдвиг в целях семейной политики, переориентировавший ее с субсидирования непосредственных расходов по воспитанию детей на создание условий для успешного сочетания профессиональных и семейных ролей, несомненно, позволил сохранить приемлемый уровень рождаемости».³⁹

При этом более высокий уровень рождаемости во Франции нельзя, по мнению французского демографа Ф. Эрана, объяснить высокой рождаемостью у иммигрантов. Подобную идею он относит к числу предвзятых. «В период 1991–1998 гг., – пишет Эран, – среднее число рождений на одну женщину составляло 1,72 для всех французских женщин в целом и 1,65 – отдельно для урожденных француженок. Иммигрантки, составляющие всего лишь двенадцатую часть от общего числа детородного возраста, слишком малочисленны, чтобы существенно поднять суммарный коэффициент рождаемости в стране.»⁴⁰

Большинство исследований, как свидетельствует обзор, проведенный А. Готье, обнаруживают положительное, хотя и слабое влияние мер семейной политики на уровень рождаемости.⁴¹ В частности, предпринятый Р. Лестагом регрессионный анализ зависимости уровня рождаемости от длительности родительских отпусков и объема трансфертов, получаемых семьями от государства, показал наличие слабой положительной корреляции между показателями государственной поддержки семей и уровнем рождаемости.⁴² Уравнение регрессии, впрочем, в данном случае лишь математически описывает усредненный характер зависимости, за которым плохо видны специфические ситуации, характерные для каждой из стран региона.

На мой взгляд, представление о том, что эластичность динамики (или уровня) рождаемости к затратам на семейную политику примерно одинакова во всех странах и при всех исторических обстоятельствах, является как минимум неточным. В реальности все обстоит значительно сложнее: влияние семейной политики (или отсутствия таковой) на рождаемость преломляется через призму индивидуальных особенностей каждой страны и периодов ее исторического развития, а следовательно, приводит к различным результатам.

И семейная политика, и уровень рождаемости в каждой стране формировались как составные части некоторого общего комплекса, в котором переплелись особенности политической, экономической и социальной истории этих стран. Так, в Германии связка «работодатели – профсоюзы» играла относительно большую, а государство – относительно меньшую роль в формировании «государства благосостояния», чем во Франции. Во Франции после победы над Германией во Второй мировой войне пронаталистская направленность государственной демо-

³⁸ *Lesthaeghe R.* Europe's demographic issues: fertility, household formation and replacement migration // www.un.org/esa/population/publications/popdecline/lesthextandtable.pdf.

³⁹ *Letablier M.-T.* Op. cit. Pp. 1, 15

⁴⁰ *Эран Ф.* Пять предвзятых идей об иммиграции // *Население и общество*. 2004. № 80. С. 2 (русский перевод статьи *Heran F.* Cinqe idees recues sur l'immigration // *Population et sociétés*. Janvier 2004. № 397).

⁴¹ *Gauthier A.* The impact of public policies on families and demographic behaviour. Paper presented at the ESF/EURESCO conference 'The second demographic transition in Europe' (Bad Herrenalb, Germany 23–28 June 2001) // <http://www.demogr.mpg.de/Papers/workshops/010623paper21.pdf>

⁴² Построенное Лестагом уравнение регрессии имеет вид $100 PTFR = 138,3 + 0,06 TRANSF + 0,14 MATPAY$, где $PTFR$ – суммарный коэффициент рождаемости; $TRANSF$ – средний объем трансфертов, получаемых семьей; $MATPAY$ – длительность родительского отпуска, взвешенная с учетом его оплаты. Скорректированный R^2 0,21. Коэффициент при $TRANSF$ статистически значим на уровне 0,03, при $MATPAY$ статистически незначим. Подробнее см. *Lesthaeghe R.* Op. cit. P. 11.

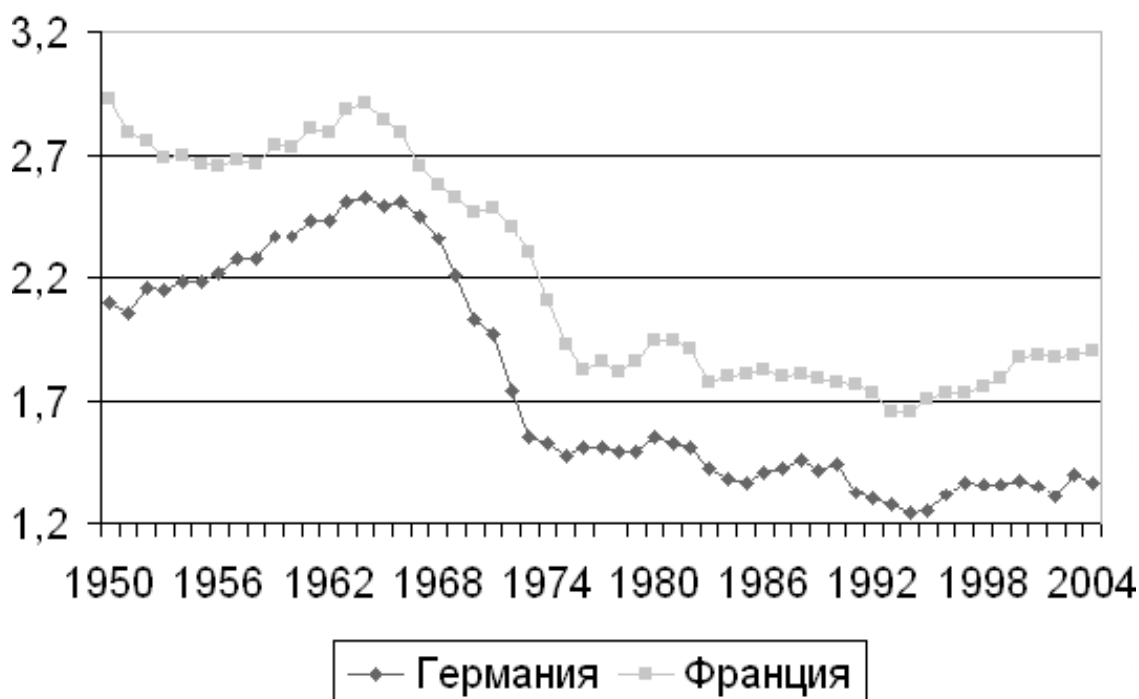

графической политики рассматривалась населением как нечто вполне естественное. В Германии любые призывы повышать рождаемость, исходившие от государства, напротив, воспринимались бы как продолжение пронаталистской политики нацистов и поэтому были политически невозможны.

В Швеции длительные и щедро оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком «выросли» из складывавшейся там десятилетиями модели «универсального» государства благосостояния. Менее щедрая по сравнению со Скандинавией и Францией семейная политика Великобритании – результат господствующей там либеральной модели социального государства, также формировавшейся на протяжении десятилетий.

Уровень рождаемости, характерный для каждой страны, стихийно «вызывает» вместе со всей атмосферой жизни общества и только в некоторой – иногда в большей, иногда в меньшей – степени является результатом целенаправленной социальной инженерии, взаимодействия многих факторов и потому трудно поддается прогнозированию. Демографическая/семейная политика Франции попала в резонанс с социальными и социально-психологическими особенностями французского общества, и полученный синергетический эффект выразился в показателях рождаемости, близких к уровню простого замещения поколений.

В ФРГ семейной политике также уделялось большое внимание, но она «по определению» не могла быть выстроена по французскому образцу. В результате сочетание немецкой модели семейной политики и немецкого менталитета нашло выражение в устойчиво более низких показателях рождаемости, чем во Франции. На протяжении 50 с лишним лет рождаемость в Германии была ниже, чем во Франции (рис. 1.1). Не было ни одного года, в котором бы нарушилось это правило. Столь устойчивые различия вряд ли могут быть случайными. Однако вряд ли «отцы» семейной политики ФРГ (как, впрочем, и кто-либо другой) могли заранее предугадать подобный ход событий.

Рис. 1.1. Суммарный коэффициент рождаемости в Германии и Франции в 1950–2004 гг.

Правые либералы считают своим долгом проповедовать, что никакая семейная политика не обеспечит рождаемости на уровне простого воспроизводства населения. Однако их утверждения опровергаются опытом Франции. Но неверно и обратное – настаивать на том, что щед-

рая семейная политика стопроцентно гарантирует устойчивое приближение уровня рождаемости к отметке простого воспроизводства населения. Об этом свидетельствует, например, опыт Швеции. Оставаясь в рамках научного анализа и не подменяя его пропагандой, мы можем лишь утверждать, что в одних случаях активная демографическая (или семейная) политика позволяет приблизить рождаемость к уровню простого воспроизводства численности поколений, тогда как в других – нет.

Мы можем также утверждать, что в Северной и Западной Европе – регионе, где семейная политика является самой щедрой в мире, рождаемость выше, чем в странах Южной, Центральной и Восточной Европы. На мой взгляд, это обусловлено комплексом взаимообусловленных причин: высоким уровнем жизни, сильными социал-демократическими традициями, более выраженной, чем в других развитых странах, семейной политикой. Однако вряд ли стоит считать политику стран Северной и Западной Европы приемлемым для всех образцом. В одних – столь же богатых, как Северная и Западная Европа, регионах планеты – общество вряд ли согласится на столь же щедрые государственные вливания в семейную политику. В других регионах, менее богатых, на это просто не найдется средств; в третьих – в силу их институциональных особенностей – реакция населения на меры демографической или семейной политики будет отличаться от западно- и североевропейской. В этом смысле Северная и Западная Европа скорее уникальна, чем универсальна.

Практический вывод из всего сказанного заключается в том, что в сфере семейной политики наиболее уместны технологии двойного – общесоциального и специфически демографического – назначения. Они должны в любом случае обеспечивать рост жизненного уровня населения и помогать семьям в решении их проблем, а также по возможности оказывать стимулирующее воздействие на рождаемость. При такой политике, даже в отсутствии собственно демографического результата, средства не окажутся выброшенными на ветер, поскольку будут способствовать повышению благосостояния и качества жизни населения.

1.3. О теории второго демографического перехода и вопросах, которые она порождает

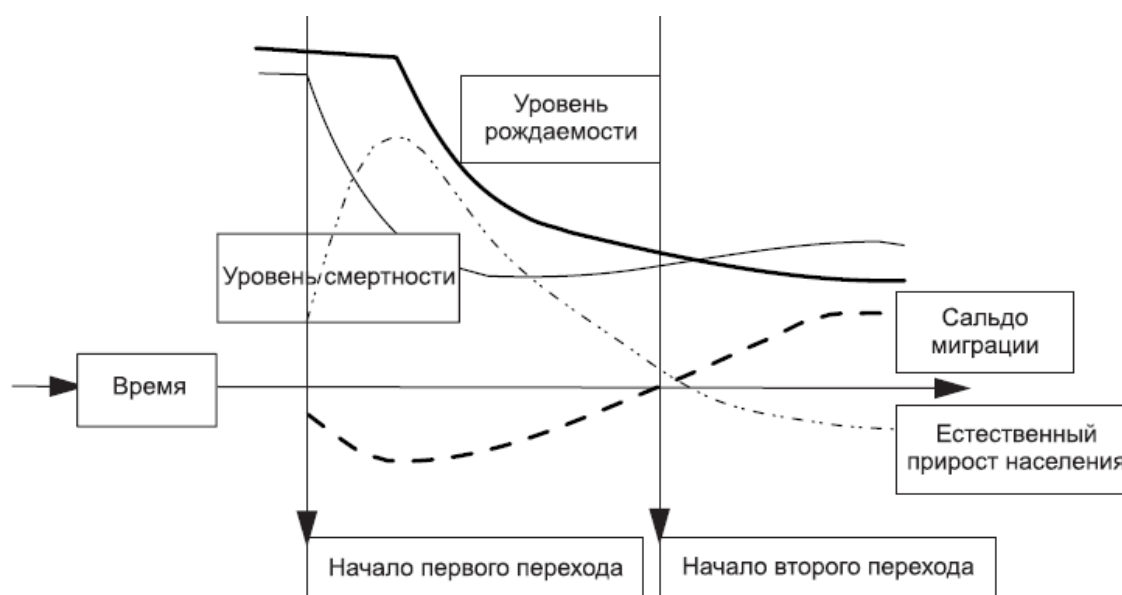
Теория второго демографического перехода. К середине 1980-х гг. стало очевидным, что теория демографического перехода не может объяснить охватившие Европу демографические новации. Эта теория разрабатывалась для объяснения изменений демографического поведения при переходе от традиционного (доиндустриального) общества к индустриальному. В Европе между тем все более явно ощущалось дыхание новых «постиндустриальных» времен, ценности и добродетели которых заметно отличались от прежних. Образовавшийся концептуальный вакуум был заполнен теорией второго демографического перехода, разработанной нидерландским демографом Дирком Ван де Каа и его бельгийским коллегой Роном Лестагом.⁴³

Согласно данной теории, первый демографический переход закончился тогда, когда в результате снижения рождаемости и смертности темпы естественного прироста населения приблизились к нулевым, а эмиграция из Европы перестала превышать иммиграцию. Последующие события, начало которых датируется серединой 1960-х гг., являются уже частью нового этапа демографической истории Европы – второго демографического перехода (рис. 1.2).

Концепция второго демографического перехода объясняет изменения в демографическом поведении масштабными сдвигами в системе господствующих в западном обществе ценностей. Так, по мнению Д. Ван де Каа, европейцы эпохи буржуазного модерна были богобоязненными людьми, верившими в семейные ценности и считавшими правильным сохранять брак даже тогда, когда супруги переставали испытывать взаимную любовь. Они широко использовали контрацепцию потому, что считали нужным обеспечить своим детям прочные стартовые позиции в жизни, и знали, что в семье должно быть не больше детей, чем это позволяет ее достаток. Для них имели большое значение материальное благосостояние, карьера, они ценили упорядоченность, организованность общественной жизни и не испытывали симпатий к радикальным идеям.

---

⁴³ *Lesthaeghe R., Van de Kaa D. J. Twee demografische transitie's? // In Bevolking Groei in Krimp/ Dirk J. van de Kaa and Ron Lesthaeghe (eds.). Van Loghum Slaterus, Deventer. 1986. P. 9–24; Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition // Population Bulletin, 1987. 42(1). Washington: The population Reference Bureau. Van de Kaa D. Europe and its Population: the Long View // European Populations: Unity in Diversity. Dordrecht – Boston – London. 1999. P. 1–49.; Van de Kaa Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции / Под ред. В. А. Ионцева. М.: Макс Пресс, 2002. С. 90–96.*

Рис. 1.2. Первый и второй демографический переходы (по Д. Ван де Каа)

Люди эпохи «буржуазного постмодерна», считает Д. Ван де Каа, также не стремятся демонстрировать свой радикализм. Однако их вера в превосходство западной цивилизации, государственный суверенитет, служение общему благу, солидарность поколений, святость брачных уз и другие традиционные для западной культуры ценности далека от абсолютной. Они полагают, что каждый человек волен сам делать свой моральный выбор: жизнь можно прожить только однажды, и ее не стоит откладывать на завтра.⁴⁴

В целом же, полагает голландский ученый, второй демографический переход отличается от первого его обусловленность стремлением индивида к «самовыражению, свободе выбора и личностного развития, собственному жизненному стилю и эмансипации. <...> Растущие доходы, экономическая и политическая безопасность, которые демократические государства благосостояния обеспечивают своим гражданам, дали начало “бесшумной революции”... в результате которой сексуальные предпочтения индивида воспринимаются такими, какие они есть, а принятие решения о разводе, аборте, стерилизации или добровольной бездетности в большинстве случаев рассматривается как сугубо личное дело...»⁴⁵

Моральная оценка второго демографического перехода: два взгляда на один процесс. Теория второго демографического перехода идейно выросла из молодежных движений 1960-х гг. и, если можно так выразиться, эмоционально близка тем, кто ассоциирует себя с ними. Происходящие изменения оцениваются сторонниками данной теории в мажорной тональности.

Обследования ценностей, проведенные в Европе (*European Value Survey*), выявили определенную зависимость между системой ценностных ориентаций индивида и его демографической биографией. «Новые» модели демографического поведения (проживание вне семьи, внебрачное сожитие, внебрачные рождения, разводы) чаще демонстрируют индивиды, для которых характерны высокая значимость автономии личности (*stress individual autonomy*); отсутствие религиозности, ослабленная гражданская мораль (*weaker civil morality*); недоверие к институтам, терпимость по отношению к меньшинствам; склонность к протесту; космополитизм (*world orientation*); высокая значимость самовыражения; приверженность «постматериа-

⁴⁴ См.: Van de Kaa D. Europe and its Population: the Long View // *European Populations: Unity in Diversity*. Dordrecht—Boston—London, 1999. Pp. 30–31.

⁴⁵ Van de Kaa D. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50, № 3. P. 425.

листическим» ценностям.⁴⁶ Й. Суркин и Р. Лестаг именуют эту группу ценностей и качеств личности *нонконформистскими*. Заметим, что последний термин весьма условен: как только «нонконформистские ценности» начинают доминировать в какой-либо эталонной для индивида группе населения, следование им превращается в обычный конформизм.

«Нонконформизму» (по Суркину и Лестагу) противостоит комплекс ценностей, именуемый авторами цитируемой статьи *конформистским*. Для него характерны религиозность, уважение к власти, доверие к институтам, консервативная мораль, низкий уровень толерантности к меньшинствам, чувство принадлежности к своему локальному сообществу и стране (*local or national identification*); самовыражение не играет при этом приоритетной роли в системе ценностей. Люди, придерживающиеся данного комплекса ценностей, демонстрируют вполне традиционное демографическое поведение – вступают в брак и рожают в нем детей.

Как относиться к широкому распространению в обществе тех ценностей, которые Суркин и Лестаг считают *нонконформистскими*? На этот вопрос не может быть единого ответа, ибо он зависит от системы ценностей отвечающего. Создатели теории второго демографического перехода, повторим, склонны оценивать происходящее в радужных тонах. Однако далеко не все социальные мыслители в Западной Европе столь оптимистичны.

Известный британский (а когда-то польский) социолог З. Бауман, например, не разделяет восторгов по поводу нарастающей индивидуализации. По его мнению, время, когда главной опасностью было подавление личности государством, ушло в прошлое. Теперь в защите нуждается уже не автономия личности, а общественная сфера, ибо «под прессом индивидуализации люди медленно, но верно теряют свои гражданские привычки», а «возрастающее бессилие социальных институтов разрушает интерес к общественным проблемам».⁴⁷

То, что сторонникам теории второго демографического перехода видится явным прогрессом, британский социолог оценивает как свидетельство упадка. «Если связи между людьми, подобно другим предметам, не добываются посредством длительных усилий и периодических жертв, – пишет он, – а представляются чем-то, от чего ожидают немедленного удовлетворения, что отвергается, если не оправдывает этих ожиданий, и что поддерживается лишь до тех пор (и не дольше), пока продолжает приносить наслаждение, то нет никакого смысла стараться и выбиваться из сил, не говоря уж о том, чтобы испытывать неудобства и неловкость, ради сохранения партнерских отношений. Даже малейшее препятствие способно уничтожить партнерство; мелкие разногласия оборачиваются острейшими конфликтами, легкие трения сигнализируют о полной несовместимости».⁴⁸

Кроме того, З. Бауману претит сама методология, положенная в основу концепций, подобных теории второго демографического перехода; его явно не удовлетворяет принцип, согласно которому «все действительное – разумно». Свою мысль британский социолог выражает достаточно жестко: «Неолиберальный взгляд на мир капитулирует перед тем, что сам считает безжалостной и необратимой логикой. Различие между неолиберальными рассуждениями и классическими идеологиями эпохи модернити подобно разнице, существующей между менталитетом планктона и менталитетом пловцов или моряков».⁴⁹

Сегодня в Западной Европе, далее – везде? Рассматриваемый нами регион, как уже было отмечено, всегда был центром инноваций, распространявшихся по всему миру. В связи с этим возникает вопрос, насколько вероятным является распространение новой модели демо-

⁴⁶ Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // Demographic research special collection 3, article 3 published. 17 april 2004. P. 54 // <http://www.demographic-research.org>.

⁴⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 136, 258.

⁴⁸ Там же. С. 198.

⁴⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 247.

графического поведения, появившейся в Северной и Западной Европе в последние десятилетия, на другие регионы Земли.

Создатели теории второго демографического перехода с энтузиазмом описывают расширение географического ареала «западноевропейского» демографического поведения. Расширение Европейского Союза политически и эмоционально подкрепляет этот энтузиазм.

Имеются, впрочем, и другие точки зрения. Известный британский демограф Дж. Коулмен считает, например, второй демографический переход «почти местным (*parochial*)» явлением.⁵⁰

Научный анализ предполагает некоторую дистанцию от политической злобы дня и порождаемых ею эмоций, требует строгих определений, точных постановок вопросов и исследования демографической ситуации в различных частях света.

Начнем с определений. Т. Соботка и его соавторы замечают, что разногласия мнений о том, какие признаки второго демографического перехода являются определяющими, вызывает некоторое смущение.⁵¹ За этой разногласицей стоит более серьезная проблема: как отделить друг от друга демографические изменения, подпадающие под определение второго демографического перехода и не имеющие к нему отношения?

Д. Ван де Каа отмечает такие характерные черты второго демографического перехода, как особая значимость, придаваемая самовыражению, развитию личности и свободному выбору стиля жизни. «Растущие доходы, – продолжает он, – экономическая и политическая безопасность, которые демократические государства благосостояния обеспечивают своим жителям, запускают спусковой механизм “бесшумной революции”; происходит сдвиг в направлении понимаемого в смысле Маслоу постматериализма, при котором сексуальные предпочтения принимаются такими, какие они есть, а вступление во внебрачный союз, аборт, разводы, стерилизации или добровольная бездетность в большинстве случаев считаются личным делом».⁵²

Такое определение вызывает ряд вопросов, которые, возможно, кажутся излишними при рассмотрении демографических процессов в Северной и Западной Европе, но становятся все более актуальными по мере географического и культурно-политического отдаления от нее. Как, например, отделить «демократические государства благосостояния» от тех государств, которые таковыми не являются? «Общепринятое определение государства благосостояния, которое дают учебники, предполагает его ответственность за обеспечение некоторого минимума благосостояния его гражданам», – пишет в этой связи Дж. Вейт-Уилсон и тут же замечает: «Да, но сколько и кому – богатым или бедным? Как иначе отличить государство благосостояния от государства не-благосостояния?».⁵³

Не менее сложно сказать, какое государство можно признать «демократическим», а какое – нет. Кроме того, сформулированные Д. Ван де Каа критерии не позволяют ответить на вопрос, имеет ли место второй демографический переход в случае, когда свобода внебрачных союзов, аборт и разводов сочетается с низким уровнем благосостояния и социальной защищенности, иными словами, тогда, когда присутствует только часть «канонических» признаков второго демографического перехода. Наконец, не стоит забывать о том, что одни и те же

⁵⁰ Coleman D. «Why we don't have to believe without doubting in the Second Demographic Transition – Some Agnostic Comments», Contribution to a debate on the Second Demographic Transition, European Population Conference, Warsaw, August 2003 (unpublished) // <http://www.apsoc.ox.ac.uk/Oxpop/recent%20presentation%20files/Why%20we%20dont.ppt>.

⁵¹ Sobotka T., Zeman K., Kantorova V. Second demographic transition in the Czech Republic: Stages, specific features and underlying factors Paper presented at the EURESCO Conference «The second demographic transition in Europe», Bad Herrenalb, Germany, 23–28 June 2001. SECOND DRAFT, July 2001. P. 1 // <http://www.demogr.mpg.de/cgi-bin/publications/list.plx?&listtype=14&workshopid=2>.

⁵² Van de Kaa, D. Anchored Narratives: The Story and Findings of a Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol.50, 3. P. 425.

⁵³ Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et contra. 2001. Т. 6, № 3. С. 132.

слова имеют в разных частях современного мира различный смысл. «Склонность к протесту» и «недоверие к институтам» западных интеллектуалов – явление несколько иного порядка, чем, например, склонность к протесту и недоверие к институтам толп, грабивших банки и магазины в разгар финансового кризиса 2001 г. в Аргентине.

Термины призваны способствовать поиску истины, а не запутывать дорогу к ней. Поэтому будет правильным (да и соответствующим духу теории второго демографического перехода) понимать под последним не просто некоторый набор изменений в демографическом поведении, но также определенные социально-экономические условия и социально-психологические механизмы, лежащие в основе таких изменений.

При подобном понимании второго демографического перехода перспективы его перерастания из регионального в глобальный экономический феномен представляются весьма проблематичными. Сложившаяся в Северной и Западной Европе модель демографического поведения – по-своему целостная система. Стоит изъять из нее одно звено – и она теряет свои характерные черты. Существенным элементом рассматриваемой модели демографического поведения является развитое социальное государство, требующее высокого уровня экономического развития. Между тем даже при самом оптимистическом взгляде на будущее мировой экономики очевидно, что сегодняшнего уровня развития «государств благосостояния» Северной и Западной Европы в близком будущем достигнут лишь немногие страны. Кроме того, далеко не бесспорно, что разделение мира на богатые и бедные страны (ядро и периферию, если пользоваться терминологией И. Валлерстайна) может быть преодолено в принципе. Во всяком случае, сокращения разрыва между богатыми и бедными государствами пока не наблюдается.

Еще одно существенное возражение против универсальности второго демографического перехода связано с миграцией. Характерной чертой второго демографического перехода в странах Северной и Западной Европы является положительное сальдо миграции. Но оно не может иметь место во всех регионах мира: ведь если люди куда-то приезжают, то должны откуда-то и уезжать.

С точки зрения сторонников теории второго демографического перехода, неприятие вмешательства власти в личные дела граждан достигло сегодня таких масштабов, что возрождение престижа ценностей семьи и детей возможно лишь при условии, если они будут восприниматься как важный аспект самовыражения личности.⁵⁴ Джону Колдуэллу, известному австралийскому демографу, будущее рождаемости в развитых странах видится, однако, далеко не столь определенным, как его европейским коллегам.

«Национализм, – считает Колдуэлл, – не умер. В случае реального снижения [рождаемости] политика и общественные симпатии могут вновь обратиться в сторону брачной рождаемости и вылиться в усилия более мощные, чем те, что предпринимались в 1930-е гг. или в 1950–70-е гг. в Восточной Европе. Спад, начавшийся после 1960-х гг., был результатом не только экономических изменений, но и сдвигов в отношении к малой семье и бездетности, отчасти вызванных дебатами по поводу демографического взрыва. Я полагаю, что в предстоящие десятилетия мы станем свидетелями движения в противоположном направлении. Общественное мнение и правительства снова будут осыпать похвалой семьи с двумя-тремя детьми и предпримут значительные усилия, чтобы сделать возможным существование таких семей. Характер формирования полных семей определяет сегодняшний очень низкий уровень рождаемости в меньшей степени, чем финансовые затруднения семей с одним родителем... и серьезные проблемы, с которыми сталкиваются матери при продолжении образования и професси-

---

⁵⁴ Van de Kaa D. «Demographies in transition»: an essay on continuity and discontinuity in value change Dirk van de Kaa // European Population Conference Warsaw, 26–30 August 2003. Population of Central and Eastern Europe. Challenges. Warsaw 2003. P. 656.

ональной деятельности... Эти проблемы обусловлены недостаточной поддержкой со стороны правительств, работодателей и супругов».⁵⁵

Индивидуализм и всеобщая толерантность, лежащие в основе второго демографического перехода, также являются продуктом специфической и весьма благополучной истории Северной и Западной Европы на протяжении последних десятилетий. С начала 1960-х гг. страны рассматриваемого региона не участвовали (или участвовали лишь символически) в кровопролитных конфликтах с десятками тысяч человеческих жертв, не подвергались внешней агрессии. Возможен ли подобный скандинавскому и западноевропейскому уровень пацифизма, толерантности и других описываемых создателями теории второго демографического перехода «неконформистских» добродетелей в менее благополучных частях планеты? Динамика социально-психологического климата в США после 11 сентября 2001 г., не говоря уже о других странах мира, свидетельствует скорее об обратном – перед лицом реальных угроз люди легко поступаются частью своей (а тем более чужой) свободы ради обретения безопасности.

Следует также упомянуть о некоторых недавно полученных данных, ставящих под сомнение незыблемость новой модели демографического поведения и в самой Европе. Журнал «Ньюсуик» сообщает о результатах опроса, проведенного в Великобритании, «результаты которого удивили самих исследователей: современные девочки осознанно отказываются от роли успешной самостоятельной женщины и мечтают о традиционном семейном укладе».⁵⁶

Теория второго демографического перехода, направленная своим острием на объяснение закономерностей эпохи постмодерна, унаследовала, тем не менее, характерную черту многих социологических теорий прошлого и позапрошлого веков – стремление во чтобы то ни стало провозгласить выводы всемирно-исторического масштаба. Осуществится ли эта заявка? Думаю, что нет. Более вероятным представляется иной ход развития событий.

По мере удаления от западноевропейского эпицентра волны демографических инноваций будут преломляться сквозь призму институциональных структур, сформированных другими экономиками, культурами, цивилизациями. Это приведет к формированию демографических феноменов, имеющих некоторые общие черты с западноевропейским, но в целом отличных от него – иногда не слишком сильно, в других случаях разительно. В обозримом будущем мир вряд ли ожидает унификация по западноевропейскому демографическому стандарту.

---

⁵⁵ Caldwell J. The contemporary population challenge // Completing the Fertility Transition / UN Population Division. N. Y. 2002 // <http://www.un.org/esa/population/completingfertility/completingfertility.htm>.

⁵⁶ Рыклина В. Дочки-матери // Newsweek. 2006. 14.08–20.08. С. 60.

1.4. Перспективы и возможные конфликты

Оценка перспектив предполагает, во-первых, характеристику современной ситуации и, во-вторых, анализ возможных изменений (что далеко не равнозначно продлению сегодняшних тенденций на некоторое число лет вперед). Остановимся сначала на первом из названных аспектов.

Сегодня, несмотря на рождаемость, не обеспечивающую простого замещения численности родительского поколения поколением детей, естественный прирост населения (разность между численностью родившихся и умерших) в регионе все еще остается положительным, составляя в большинстве его стран 0,1–0,2 % в год. Это объясняется тем, что естественный прирост зависит от разности численностей поколений, родившихся в текущем году и 70–80 лет назад (последние при современной продолжительности жизни составляют значительную часть умерших). Поскольку до 1970-х гг. каждое последующее поколение в рассматриваемом регионе, как правило, оказывалось многочисленнее предыдущего, создавался потенциал роста, который обеспечивает естественный прирост населения до сих пор.

Кроме того, рождаемость в Северной и Западной Европе все же не столь низка, как в других частях континента. В Ирландии и Франции, региональных лидерах рождаемости, она лишь немногим меньше уровня простого замещения поколений (соответственно, 2 и 1,9 рождений в среднем на женщину). Во Франции на 100 женщин 1967 г. рождения к достижению 35-летнего возраста приходилось в среднем 175 рождений. С учетом сдвига рождаемости к более старшему возрасту в этом поколении женщин итоговое число рождений на одну женщину составит, скорее всего, около 2. Лишь в Германии, где рождаемость в течение длительного времени остается на одном из самых низких в Европе уровней, имеет место естественная убыль населения на примерно на 0,1 % в год.

Важным источником роста населения в большинстве стран Северной и Западной Европы является миграция. Лишь во Франции, региональном лидере рождаемости, главную роль в обеспечении роста населения играет естественный, а не миграционный прирост. К цифрам, приведенным в табл. 1.8, следует добавить, что реальные объемы миграции и ее вклад в динамику численности населения часто оказываются более высокими, чем об этом свидетельствуют официальные статистические данные.

Таблица 1.8. Численность населения, его общий и миграционный прирост в некоторых странах Северной и Западной Европы

Страна	Численность населения на середину 2005 г., млн чел.	Прирост (+), убыль (–) населения в расчете на 1000 жителей		Численность населения, прогнозируемая на 2025 г., млн чел.
		естественный (оценка на 2005 г.)	миграционный (в 2000–2005 гг. в среднем за год)	
Австрия	8,2	1	2,5	8,4
Бельгия	10,4	1	1,3	10,8
Великобритания	59,7	2	1,8	64,7
Германия	82,7	–1	2,7	82,0
Дания	5,4	2	2,3	5,5
Ирландия	4,1	8	9,8	4,5
Нидерланды	16,3	4	1,9	16,9
Финляндия	5,2	2	1,6	5,4
Франция	60,5	4	1,0	63,4
Швеция	9,0	1	3,5	9,9

Источники: International Migration 2006. UN. Population Division // <http://www.unpopulation.org>; 2005 World Population Data Sheet; <http://www.prb.org>.

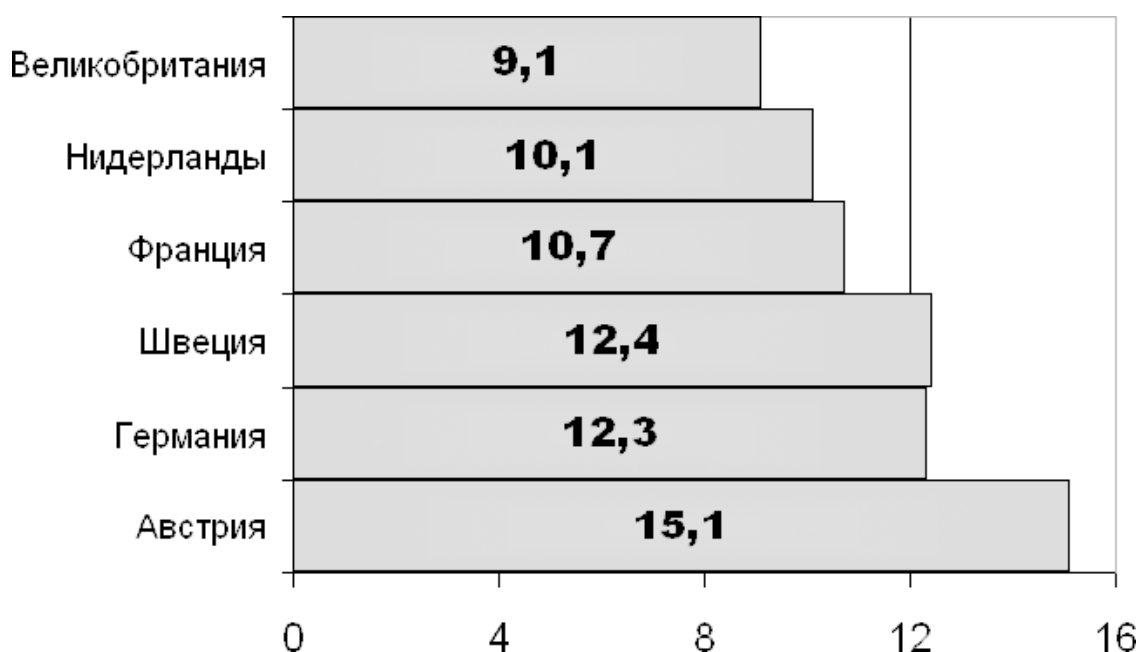
Привлекательность Северной и Западной Европы для мигрантов определяется многими факторами: высоким уровнем жизни, спросом на рабочую силу – как квалифицированную, так и неквалифицированную, наличием крупных этнических общин недавних иммигрантов, притягивающих к себе легально и нелегально прибывающих в страну соотечественников, а также (до последнего времени) относительно мягкая иммиграционная политика. Огромное значение играет и глобальный фактор: в развивающихся странах проживают десятки миллионов людей, для которых иммиграция в более богатые страны Запада – едва ли не единственный способ уйти от нищеты, спастись от локальных войн, получить образование.

Состав иммигрантов в Северную и Западную Европу менялся в зависимости от исторических обстоятельств. В 1960-х – начале 1970-х гг. весьма значителен был приток из южноевропейских стран – Италии, Испании, Португалии. Однако по мере того как уровень жизни в этих странах повышался, они перестали играть роль резервуара неквалифицированной рабочей силы для более богатых соседей. В настоящее время все большую роль играет миграция из стран Азии и Африки. Этнический состав иммиграционных потоков в значительной степени определяется колониальным прошлым европейских держав. В Великобритании много выходцев из Индии и Пакистана, во Франции – из стран Северной Африки.

Точные данные о численности населения неевропейского происхождения в странах Северной и Западной Европы отсутствуют. К разряду наиболее достоверных можно отнести данные переписи населения Великобритании 2001 г., согласно которым этнические меньшинства составляют 4,5 млн человек, или 7,6 % населения страны. Немецкая статистика не делит граждан ФРГ по этнической принадлежности. Что касается иностранных граждан, то их численность составляет около 9 % населения ФРГ. Наиболее многочисленной является турецкая община – около 2 млн человек. Численность мусульман, в основном выходцев из стран Северной Африки, во Франции оценивается в 5 млн человек – чуть меньше 10 % населения. Зна-

чения одного из широко используемых в международных сопоставлениях показателей – доли жителей, родившихся за пределами страны, приведены на рис. 1.3.

Западноевропейские и североευропейские общества уже стали многонациональными и мультикультурными. По количественным показателям они пока заметно уступают в этом отношении США, где доля населения латиноамериканского происхождения составляет 13 %, 12 % – афроамериканцы, а на долю белого населения приходится около 70 % всего населения. Тем не менее, в Западной Европе районы, где выходцы с других континентов составляют большинство, уже не редкость. Так, результаты переписи 2001 г. в Великобритании показали, что в двух районах Лондона численность лиц азиатского и африканского происхождения впервые превысила количество белого населения. В целом же этнические меньшинства составляют 29 % жителей Лондона и его ближайших окрестностей.

Рис. 1.3. Доля лиц, рожденных за пределами некоторых стран Северной и Западной Европы (в % к численности населения)

Говоря о перспективах развития Северной и Западной Европы, целесообразно отделить то, что более или менее легко поддается подсчету, от неопределенного и труднопредсказуемого. Демографические прогнозы свидетельствуют, что странам Северной и Западной Европы в ближайшие два десятилетия не грозит депопуляция – численность населения в большинстве из них будет в этот период относительно стабильной или слегка вырастет. Политически наиболее острым для стран рассматриваемого региона в обозримой перспективе будет комплекс проблем, связанных с иммиграцией, изменением этнической и конфессиональной структуры населения. В ближайшие десятилетия Северная и Западная Европа останется «магнитом», притягивающим миллионы иммигрантов из менее развитых государств. Это, в свою очередь, приведет к росту доли выходцев из развивающихся стран в общей численности населения рассматриваемого региона.

В системе международных миграций страны Северной и Западной Европы находятся в более выгодном положении, чем Россия: они обладают возможностью привлекать в свои страны наиболее квалифицированную рабочую силу, уступая в этом плане только США, их границы лучше контролируются. Тем не менее, международная миграция – процесс, который лишь частично поддается административному регулированию. Обратной стороной высокой оплаты труда и развитых социальных стандартов в странах региона является постоянный и в

значительной степени «теневой» спрос на дешевую рабочую силу тех, кто согласен работать без юридических и социальных гарантий. В мире действуют мощные преступные синдикаты, занимающиеся нелегальным перемещением иммигрантов в наиболее развитые страны мира, и ужесточение легальных рамок миграции только увеличивает спрос на их услуги. Кроме того, проводя ограничительную политику в отношении беженцев и лиц, обращающихся за предоставлением политического убежища, правительства развитых стран не могут не считаться с мнением международных организаций, правительств развивающихся стран, а также собственных правозащитных организаций.

Проблемы, связанные с массовой иммиграцией в регион миллионов носителей иной политической и экономической культуры и иных религий, остаются для государств Северной и Западной Европы потенциально взрывоопасными. Массовые беспорядки в районах, населенных выходцами из стран Африки, закончившиеся введением в ноябре 2005 г. чрезвычайного положения во Франции, привлекли всеобщее внимание. Аналитики справедливо указывают, что эти события в очередной раз выявили ошибки в иммиграционной политике Франции, взрывоопасность иммигрантских гетто. Реже обращают внимание на другое: протесты, несмотря на их демонстративно противоправную форму, не вышли за рамки неписаных ритуалов, регулирующих в пятой республике взаимоотношения властей и протестующих масс.

Франция – особая страна. Дух революции, запечатленный Эженом Делакруа на его знаменитом полотне, здесь по-прежнему почитаем. Однако история оказалась хорошим учителем: в стране сложились неписанные ритуалы, позволяющие протестующим и силам правопорядка производить массу угрожающих предупредительных движений, не переходя при этом роковой черты. Эти ритуалы не были забыты и во времена майской революции 1968 г., и во время протестов 1994 г. против введения молодежного минимума оплаты труда (SMIC), впоследствии отмененного, и во время студенческих беспорядков весны 2006 г., когда власти, похоже, вновь наступили на старые грабли. Иммигрантские протесты не вышли, как того опасались многие, за рамки сложившихся во Франции традиций выражения протестующими своих политических эмоций. Означает ли это, что жители иммигрантских пригородов уже впитали в себя современную политическую культуру Франции? Или, напротив, правильнее рассматривать эти события как предвестники более масштабных потрясений? Эти вопросы пока остаются открытыми.

Не вызывает, однако, сомнения, что изменение этнической и конфессиональной структуры населения несет в себе системный риск для западноевропейских обществ. Превращение моноэтнического общества в полиэтническое всегда является процессом, содержащим значительную долю неопределенности. История человечества свидетельствует о том, что архетипы этнической и религиозной вражды подобны дремлющему вулкану, от которого всегда можно ожидать извержения. Истинные размеры риска, связанного с изменением этнической и конфессиональной структуры населения, сегодня крайне трудно оценить, и это делает их еще более опасными.

Глава 2

Италия и Испания: южноевропейские парадоксы

2.1. Три парадокса

Представления об Испании и Италии как о бедных странах, где преобладают многодетные семьи, давно и безнадежно устарели. Сегодня среднедушевой ВВП Италии не уступает Германии, Великобритании и Франции, а в Испании он лишь немногим (примерно на 20 %) меньше.⁵⁷ В прошлом осталась и многодетность. Рождаемость в Италии и Испании (1,2–1,3 ребенка в среднем на женщину) опустилась заметно ниже уровня, характерного для большинства развитых стран.

Италия принадлежит к числу пионеров европейской интеграции, подписавших 25 марта 1957 г. Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Испания вступила в ЕЭС значительно позже, в 1984 г., но уже успела тесно интегрироваться в его экономическую и политическую жизнь. Хозяйственный прогресс Италии и Испании, экономика которых на протяжении первой половины XX столетия находилась в бедственном положении, столь заметен, что его вполне можно отнести к экономическим чудесам XX в. Однако демографическое развитие этих стран в последние десятилетия носит во многом парадоксальный характер.

Во-первых, можно было ожидать, что экономическая, политическая и идеологическая интеграция Италии и Испании в Европейский Союз повлечет за собой сближение демографических показателей Западной и Южной Европы. Реальная ситуация выглядит, однако, иной. В Южной Европе за последние полвека действительно произошли значительные демографические изменения. Однако их результатом стала новая «средиземноморская» модель демографического поведения, отличная от западноевропейской и наиболее ярко выраженная в Италии.

Во-вторых, как Италия, так и Испания принадлежат к числу тех государств, где позиции католицизма всегда были очень сильными. Католическая церковь не только непримиримый противник аборт — она выступает также против «искусственной», то есть любой, за исключением метода биологического ритма, контрацепции. Тем не менее показатели рождаемости в Италии и Испании одни из самых низких в Европе.

В-третьих, приверженность семье и семейным ценностям всегда занимали центральное место в южноевропейской ментальности. Крепкая семья, казалось бы, должна служить и крепкой основой демографического воспроизводства. Однако в сегодняшней Южной Европе оно явно нарушено.

---

⁵⁷ Доклад о развитии человека 2005 // Программа человеческого развития ООН (ПРООН). М.: Весь мир, 2005. С. 241. Следует, правда, учитывать значительную региональную неравномерность экономического развития Испании и, особенно, Италии. Так, по данным Евростата, в Италии в 2003 г. среднедушевой ВВП на 1 жителя (в паритетах покупательной способности) варьировался от 14 729 евро в Калабрии (область, расположенная на южной оконечности Апеннинского полуострова) до 29 525 евро в Ломбардии (область с административным центром в Милане).

2.2. Демографические различия между Западной и Южной Европой

Остановимся теперь на статистической характеристике южноевропейского демографического феномена.

Вступление в самостоятельную жизнь. Различия между средиземноморской и западноевропейской моделями жизненного цикла человека проявляются уже в начале его самостоятельной, взрослой жизни. В Западной, а тем более в Северной Европе молодежь покидает родительский кров гораздо раньше, чем в южноевропейских странах (табл. 2.1). В Финляндии возраст, к которому половина молодых жительниц страны начинает самостоятельную жизнь, составляет 20,0 года, в Великобритании – 21,2 года, во Франции – 22,2 года, тогда как в Испании – 26,6 лет, а в Италии – 27,1 лет. Те же закономерности наблюдаются и у мужчин: для финнов значение данного показателя составляет 21,9 года, для итальянцев – 29,7.⁵⁸

Таблица 2.1. Возраст, в котором молодые люди оставляют родительскую семью и вступают в брак в странах Северной, Западной и Южной Европы

Страна	Возраст, к которому 50 % молодых людей покидают родительскую семью, лет		Доля лиц, покидающих родительскую семью из-за вступления в брак или создания внебрачного союза, в общей численности покидающих родительскую семью, %	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Финляндия	20,0	21,9	33,8	45,6
Дания	20,3	21,4	27,0	34,5
Нидерланды	21,2	23,3	33,3	46,5
Великобритания	21,2	23,5	43,1	52,4
Бельгия	23,8	25,8	68,3	63,8
Франция	22,2	24,1	46,5	55,8
Германия	21,6	24,8	58,0	56,5
Австрия	23,4	27,2	61,2	51,2
Ирландия	25,2	26,3	48,9	47,9
Португалия	25,2	28,0	88,6	85,2
Испания	26,6	28,0	76,5	82,1
Италия	27,1	29,7	66,6	73,9

Источники: Iacovou M. Leaving home in the European Union/ISER Working Papers, 2001–18 // <http://www.iser.essex.ac.uk/pubs/workpaps/pdf/2001>; Demoscope Weekly // <http://www.demoscope.ru>.

⁵⁸ Iacovou M. Leaving home in the European Union/ISER Working Papers, 2001–18 // www.iser.essex.ac.uk/pubs/workpaps/pdf/2001.

При этом в Северной и Западной Европе сегодня вступают в официально зарегистрированный первый брак так же поздно, как и в Южной. Так, средний возраст женщин при вступлении в первый брак в Финляндии составляет 28,1 года, в Великобритании – 27,2, в Германии – 27,0, тогда как в Италии – 26,0, в Испании – 27,8. В Северной и Западной Европе уход из родительского дома в большинстве случаев не связан с вступлением в брак или созданием внебрачного союза. В Италии и Испании, напротив, родительский кров чаще всего покидают именно в связи с вступлением в брак. Так, брак или образование внебрачного союза является причиной ухода из родительской семьи для 23,8 % финнов, 41,5 % французов и 43,1 % британцев против 66,6 % итальянцев и 76,5 % испанцев. Женщины во всех рассмотренных странах чаще, чем мужчины, покидают родительский дом из-за того, что вступают в брак или внебрачный союз, однако характер различий между странами остается тем же: значения соответствующего показателя составляют: в Финляндии – 45,6 %, Великобритании – 52,4 %, Италии – 73,9 %, Испании – 82,1 %.

Внебрачные сожительства, браки и разводы. Широкое распространение внебрачных союзов характерно для всего европейского континента. Однако в Италии и Испании этот процесс идет значительно медленнее, чем в Северной и Западной Европе. Судя по обследованиям Евробарометра, в 1998–2000 гг. во внебрачных сожительствах состояли около 55 % жителей Швеции в возрасте 25–34 года, около 42 % французов, 32 % немцев и 28 % британцев того же возраста. В Италии значения данного показателя составили лишь 7 %, в Испании – 15 %.⁵⁹ При этом в официально регистрируемый брак в странах Южной Европы вступают так же поздно, как в Северной и Западной Европе. В результате относительная численность лиц, заявляющих при проведении опросов, что они не состоят ни в юридически оформленном, ни во внебрачном союзе, в Италии оказывается заметно выше, чем в Северной и Западной Европе.⁶⁰

Закон, разрешающий разводы, был принят в Италии только 1 декабря 1970 г. и сразу же вызвал протесты со стороны католических организаций, выступающих за нерасторжимость брака. Чтобы разрешить спор между теми, кто требовал отмены нового закона, и теми, кто был против такой отмены, 12 мая 1974 г. был проведен референдум. В ходе него 59,1 % итальянцев сказали «нет» отмене нового закона, то есть высказались в поддержку возможности расторжения брака в судебном порядке. Поправки, внесенные в этот закон в 1987 г., существенно расширили юридические основания для развода.⁶¹

С момента принятия закона, разрешающего разводы, их количество в Италии постоянно растет и сегодня (в расчете на 1000 жителей) удвоилось по сравнению с 1971 г. Тем не менее, значения данного показателя в Италии (0,7) по-прежнему намного ниже, чем в странах Северной и Западной Европы (в 2003 г. в Германии – 2,6, Нидерландах – 1,4, Швеции – 2,4).

В Испании республиканская конституция 1931 г. и принятый в 1932 г. на ее основе законодательный акт о разводе устанавливали равные права супругов и предусматривали возможность развода по обоюдному желанию супругов. В сентябре 1939 г., после победы франкистов в гражданской войне 1936–1939 гг., республиканский закон о разводе был отменен. Разводы были вновь разрешены только спустя 40 с лишним лет, в июле 1981 г., после падения франкистского режима и принятия в 1978 г. новой Конституции Испании.⁶² Начиная с этого момента

⁵⁹ Iacovou M. Leaving home in the European Union/ISER Working Papers, 2001. № 18 // <http://www.iseressex.ac.uk/pubs/workpaps/pdf/2001>.

⁶⁰ Kiernan Ê. Cohabitation and divorce across nations and generations // London School of Economics, Centre for Analysis of Social Exclusion, CASE paper 65, March 2003 // <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/cp/CASEpaper65.pdf>.

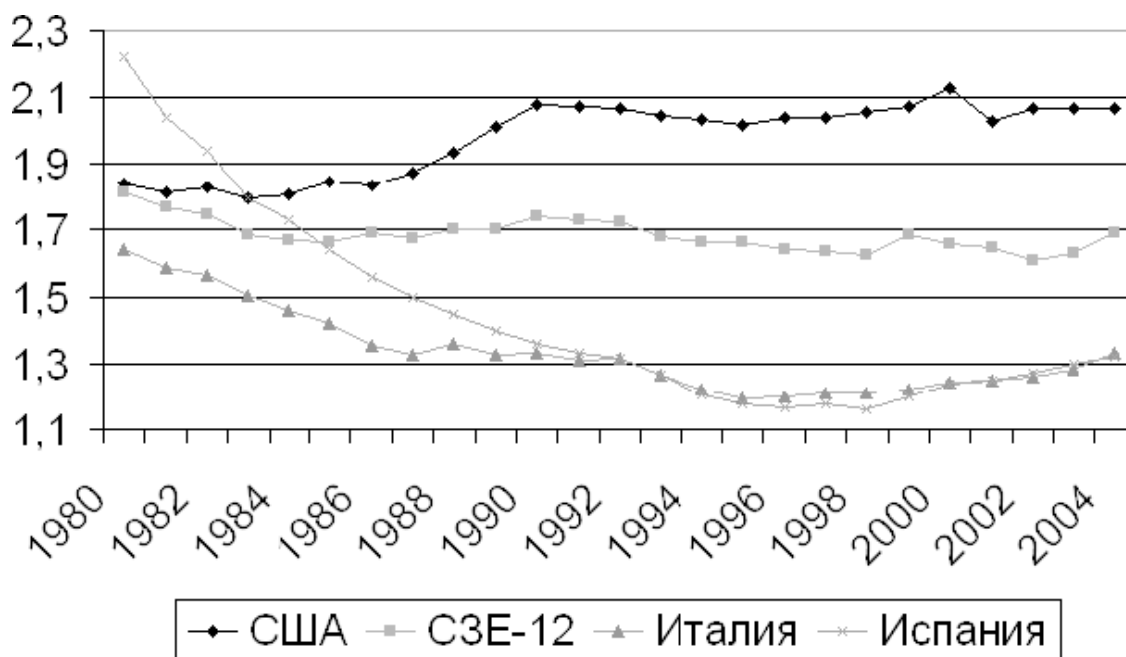
⁶¹ Patti S., Rossi C., Bellisario E. Grounds for divorce and maintenance between former spouses in Italy / University of Rome, La Sapienza // <http://www2.law.uu.nl/priv/cefl/Reports/pdf/Italy02.pdf>.

⁶² Martin-Casals M, Ribot J., Sol J. Grounds for divorce and maintenance between former spouses. Spain. Univ. of Girona. October

число разводов постоянно увеличивается, однако и два десятилетия спустя, в 2003 г., число разводов в Испании (1,13 на 1000 жителей) вдвое ниже, чем в Северной и Западной Европе.

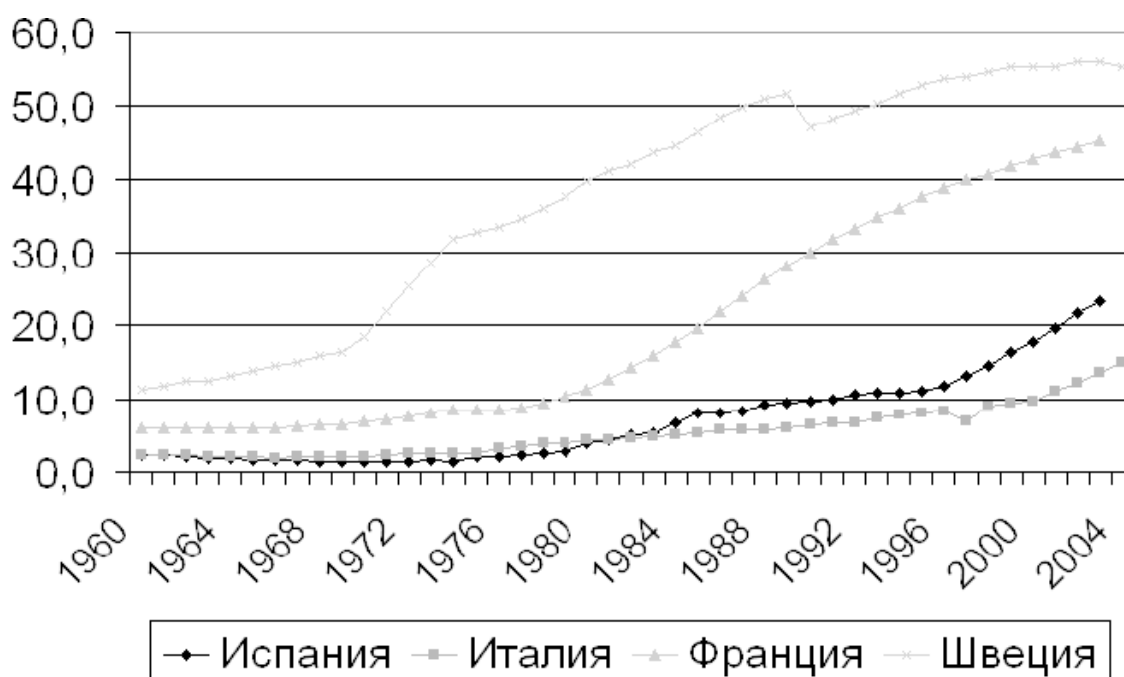
Рождаемость. К началу XXI столетия различия по уровню рождаемости (рис. 2.1) и ее внебрачной составляющей (рис. 2.2) между Италией и Испанией, с одной стороны, и странами Западной Европы, с другой, оказались даже более сильными, чем в 60-х гг. прошлого столетия. В 1965 г. доля внебрачных рождений в общей численности родившихся в разных странах Западной Европы различалась весьма незначительно: Германия – 5,8 %, Франция – 5,9 %, Нидерланды – 1,8 %, Италия – 2,4 % Испания (в 1970 г.) – 1,4 %. Однако к началу XXI столетия различия по этому показателю стали гораздо более явными. Так, если в Германии в 2002 г. вне брака появились на свет 26,1 % новорожденных, в Нидерландах (2003) – 25,7 %, во Франции (2002) – 44,3 %, то в Италии (2003) – 13,6 %, в Испании (2002) – 21,8 %.

Сегодня в Северной и Западной Европе низкий уровень рождаемости в браке в значительной степени компенсируется рождениями вне брака. В Испании и в особенности в Италии этого не происходит. Брачная рождаемость в этих странах лишь немногим уступает рождаемости в западноевропейских, тогда как показатель внебрачной рождаемости (число родившихся вне брака на 1000 женщин, не состоящих в браке) здесь в 5–7 раз ниже, чем в таких странах, как Великобритания, Дания, Франция, Швеция. Это привело к тому, что для южноевропейских стран характерны сегодня более низкий уровень рождаемости, чем для стран Северной и Западной Европы.

Рис. 2.1. Суммарный коэффициент рождаемости в Италии, Испании, США и в среднем в 12 странах Сев. и Зап. Европы (СЗЕ-12)

Рис. 2.2. Доля внебрачных рождений (%) в Испании, Италии, Франции и Швеции

В 1965 г. величина суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в Испании (2,84) и Италии (2,66) практически не отличалась от этого показателя в Великобритании (2,86), Франции (2,84) и Германии (2,50). К 2005 г. различия значительно усилились: величина СКР в Испании (1,3) и Италии (1,3) заметно уступает Франции (1,9), Великобритании (1,7) и даже Германии (1,4). Позднее вступление в брак в сочетании с низкой рождаемостью привело к тому, что страны Южной Европы лидируют сегодня по относительной численности женщин, не родивших к 30 годам ни одного ребенка. В поколениях женщин 1967–1970 гг. рождения их доля достигала в Испании 59,6 %, в Италии – 53,8 %, тогда как в Финляндии составила 22,8 %, Австрии – 26,2 %.⁶³ Весьма вероятно, что вскоре для южноевропейских стран будут характерны и наиболее высокие показатели бездетности женщин к окончанию репродуктивного периода. Если для итальянских женщин 1950 г. рождения она оценивается в 10 % на севере страны и 15 % на юге, то среди женщин 1966 г. рождения – соответственно, 27 и 18 %.⁶⁴

Миграция и темпы роста населения. На протяжении первых послевоенных десятилетий сальдо внешней миграции в Испании и Италии было отрицательным. Значительное число жителей этих стран в поисках работы выехало в ФРГ, Францию, Бельгию и другие государства. С 1970-х гг. ситуация начала быстро изменяться. Экономика южноевропейских стран развивалась быстрыми темпами, и миграционные потоки резко изменили свое направление.

С одной стороны, это было связано с возвращением жителей южноевропейских стран на родину. Так, если в 1960–1964 гг. в ФРГ из Италии ежегодно въезжало в среднем на 51 тыс. человек больше, чем выезжало из ФРГ в Италию, то в 1980–1984 гг. в Италию из ФРГ ежегодно в среднем прибывало на 21 тыс. человек больше, чем убывало из Италии в ФРГ.⁶⁵

⁶³ Frejka T, Kingkade W, Calot G, Sardon J.-P. Cohort childlessness and parity in low-fertility countries // European Population Conference 2001. Helsinki, Finland, 7–9 June 2001 // <http://www.vaestoliitto.fi/toimintayksikot/vaestontutkimuslaitos/eapskonferenssi/papers.html>.

⁶⁴ Dalla Zuanna G. The banquet of Aeolus: A familistic interpretation of Italy's lowest low fertility // Электронный журнал Demographic Research 2001. Vol. 4, article 5 // <http://www.demographic-research.org>.

⁶⁵ International Migration. Regional Processes and Responses. UN, N. Y., Geneva, 1994. P. 24.

С другой стороны, началась интенсивная миграция в страны Южной Европы из развивающихся стран. В 1999 г. на долю жителей развивающихся стран приходилось 56 % разрешений на пребывание в Италии, еще 27 % было выдано гражданам стран Восточной Европы.⁶⁶

В Италии из-за крайне низкой рождаемости ежегодное число умерших уже более 10 лет превышает число родившихся. Тем не менее, благодаря миграции население Италии продолжает расти. В Испании темпы естественного прироста населения пока чуть выше нулевых (около 0,1 % в год), но благодаря миграции прирост населения также продолжается.

Основные особенности современной средиземноморской модели демографического поведения обобщены в табл. 2.2. С позиций теории модернизации эта модель может показаться парадоксальной.

Таблица 2.2. Демографические различия между Южной и Западной Европой

Показатель	Южная Европа (Испания и Италия)	Западная Европа
Внебрачные (в том числе добрачные) союзы	Незначительно распространены	Значительно распространены
Совместное проживание взрослых детей с родителями	Широко распространено	Мало распространено
Возраст, в котором взрослые дети уходят из родительского дома	Очень поздний	Относительно ранний
Причиной ухода из родительской семьи является вступление в брак	В большинстве случаев как мужчин, так и женщин	В меньшинстве случаев мужчин, а в ряде стран и женщин
Рождаемость	Очень низкая (суммарный коэффициент рождаемости не выше 1,3)	Более высокая, чем в Италии и Испании; в Ирландии и Франции приближается к уровню простого замещения поколений
Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака	Относительно низкая	Относительно высокая
Распространенность разводов	Меньшая	Большая

Италия и Испания – примеры успешной, но все же «догоняющей» модернизации. «Естественным» (разумеется, с точки зрения теорий модернизации) представлялся бы ход событий, при котором обе южноевропейские страны постепенно «подтягивались» по своим демографическим характеристикам к своим более «продвинутым» западно- и североевропейским соседям. Однако реальная картина, наблюдаемая на протяжении последнего полувека, выглядит иначе.

Наличие «сближения» можно безоговорочно констатировать лишь применительно к внешней миграции – Италия и Испания превратились из стран массовой эмиграции в страны, принимающие мигрантов. Относительно средней продолжительности жизни говорить о «сбли-

⁶⁶ Rapporto sulla situazione demografica italiana (versione breve). Istituto di Ricerche sulla Popolazione // http://www.irpps.cnr.it/irp_it/download/rap_it.pdf.

жении» нет оснований, поскольку значения этого показателя в южноевропейских и западноевропейских странах практически не различались между собой и в начале 1960-х гг. Что касается процессов формирования семьи (создания собственного домохозяйства, вступления во внебрачный союз или брак, рождения детей, разводимости), то налицо возникновение в Испании и Италии особой модели, явно отличной от северо- или западноевропейской.

2.3. Историко-институциональные корни южноевропейского демографического феномена

Что же породило юноевропейский демографический феномен? На мой взгляд, ближе всех к ответу на этот вопрос подошли те итальянские исследователи (Дж. Далла Зуана, Дж. Микеле, А. Розина и др.), которые ищут корни данного феномена в институциональной структуре общества. Ведь на Пиренейском и Апеннинском полуостровах система взаимоотношений государства, церкви, семьи и индивида всегда отличалась от той, что была характерна для Северной и Западной Европы. К этому следует добавить и ряд особенностей современного экономического развития рассматриваемых юноевропейских стран, в первую очередь, высокую молодежную безработицу и дороговизну жилья, сдаваемого внаем. Рассмотрим сначала особенности институциональной структуры юноевропейских обществ и характер их влияния на демографические процессы.

Роль католической религии и церкви. Особую роль католицизма в Южной Европе хорошо иллюстрирует сравнение Испании и Италии с Францией, некогда считавшейся «старшей дочерью» католической церкви. Во Франции католическая церковь так и не смогла оправиться от удара, нанесенного ей революцией в конце XVIII столетия. На протяжении последних полутора веков политическая роль церкви во Франции была относительно невелика. В последние же десятилетия в стране наблюдается явный упадок католицизма. Если в 1981 г. католиками себя считали 71 % французов, то в 1999 – только 53 %.⁶⁷ В католических кругах с тревогой отмечают быструю дехристианизацию Франции, что проявляется в росте количества атеистов, популярности восточных религий (около 600 тыс. французов говорят о своей близости к буддизму, 20 % – о том, что верят в реинкарнацию),⁶⁸ а также в увеличении числа мусульманского населения, доля которого приближается к 10 % жителей страны.

В Испании и особенно в Италии иная ситуация. Так, в Италии, по данным общенационального обследования 1994 г., 88,4 % считали себя католиками,⁶⁹ а доля тех, кто посещает мессу хотя бы раз в неделю, составляла 30–35 %.⁷⁰ На вопрос о том, какую роль играет религия в их жизни, ответы «очень важную», «важную» или «достаточно важную» дали в 1983 г. 64 % итальянцев в возрасте 15–24 года, в 1996 г. – 68 %.⁷¹

Официальная позиция католической церкви была и остается непреклонной: «Нет внебрачным союзам, разводам, искусственной (то есть любой, за исключением основанной на использовании биологических ритмов) контрацепции и абортam!». В 1968 г. эта позиция была вновь подтверждена энцикликой папы Павла VI «*Humanae vitae*», где говорится, что «любой супружеский акт должен быть открытым к передаче жизни».⁷²

Возникает вопрос, почему, несмотря на столь сильное влияние католицизма, демографическое поведение жителей Южной Европы столь сильно отклоняется от его заповедей? Отвечая на него, следует учитывать целый ряд обстоятельств.

Прежде всего, нельзя забывать, что, хотя католическая религия и церковь в рассматриваемых странах оказывали сильное влияние на формирование семейного законодательства,

⁶⁷ Эрвьё-Леже Д. Состояние религий во Франции // Веб-сайт Посольства Франции в России – <http://www.ambafrance.ru/rus/looks/francetoday/religions.asp>.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Еще 8,7 % опрошенных не отнесли себя ни к одной из конфессий. Представители других вероисповеданий составили 2,9 %. – Fertility and Family Surveys in countries of the ECE region. Italy, UN. N. Y., Geneva, 2000. P. 77.

⁷⁰ Pisati M. La frequenza alla messa festiva // Polis. 2000. XIV, 1. Цит. по: Dalla Zuana G. Op. cit.

⁷¹ Cesareo V., Cipriani R., Garelli E., Lanzetti C., Rovati G. La religiosita in Italia, Milano, 1995. Цит. по: Dalla Zuana, Op. cit.

⁷² Цит. по: <http://www.catharticles.by.ru/history/humanaevitae.htm>.

последнее слово в этой сфере оставалось все-таки за государством. Позиция же государства определялась политическим режимом, то более, то менее благосклонным к церкви. Это приводило к едва ли не циклическим изменениям семейного законодательства, а также законодательства в сфере образования, светский или религиозный характер которого, несомненно, влиял на умы людей.

Так, после объединения Италии ее правительство, взяв курс на секуляризацию общества, ввело обязательную гражданскую регистрацию брака (1865), а позднее и ограничило религиозное образование в государственных школах (1877).⁷³ Отношения фашистского режима Б. Муссолини с Ватиканом были достаточно сложными, однако заключенные в годы его правления Латеранские соглашения (1929) восстановили часть привилегий церкви в матримониальных делах и религиозном образовании в школах.⁷⁴ После принятия в 1948 г. республиканской Конституции в Италии процесс секуляризации итальянского семейного и образовательного законодательства возобновился. Однако, в отличие от Франции, где либерализация законодательства в области разводов, аборт и контрацепции протекала относительно спокойно, в Италии законодательная реформа в этой области вызвала бурю политических страстей и потребовала проведения двух общенациональных референдумов (1974 и 1978 гг.).

Все испанские конституции XIX в. (1812, 1837, 1869 и 1876 гг.) объявляли католицизм официальной религией, а создание семьи подчинялось исключительно церковным законам.⁷⁵ Законодательство второй республики (1931–1936 гг.) допускало развод, однако после поражения республиканцев в гражданской войне 1936–1939 гг., в период многолетнего правления Ф. Франко, разводы были вновь запрещены. Без *permiso marital* – разрешения мужа – замужняя женщина не могла заниматься подавляющим большинством видов экономической деятельности.

Конституция 1978 г., отменив официальный статус католической религии, провозгласила равноправие полов и стала правовой основой для последующей либерализации законодательства в области семьи и репродуктивных прав личности. В 1978 г. в Испании был снят запрет на распространение и продажу контрацептивов, а с 1984 г. разрешены аборты, но только в случаях, если здоровью женщины угрожает опасность, если обнаружены дефекты плода, а также если женщина стала жертвой насилия. Попытки принять более либеральный закон об абортах предпринимались в 1996 и 1998 гг., но оба раза отвергались незначительным большинством голосов (в 1998 г. за принятие такого закона проголосовали 172 депутата, против – 173).⁷⁶

Не следует также забывать, что в Южной Европе, как и во всем мире, происходят процессы секуляризации. Одним из их проявлений является прагматичное отношение значительной части жителей Южной Европы к религиозным установлениям в области семейной жизни. Весьма показательны в этом плане результаты референдума 1974 г. в Италии. Проголосовать за отмену закона 1970 г., разрешившего развод, призывали тогда Христианско-демократическая партия и Итальянское социальное движение, совокупный электоральный рейтинг которых, судя по результатам парламентских выборов 1972 г., составлял примерно 48 %.⁷⁷ Тем не менее, противники развода смогли собрать на референдуме только 40,7 % от общего числа голосов. При этом следует отметить значительные региональные различия в результатах голо-

⁷³ Феррари С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // <http://www.state-religion.ru>.

⁷⁴ Конкордат, являвшийся частью этих соглашений, включал статьи о церковном браке, религиозном образовании и католических организациях. Он признавал за церковным браком ту же силу и законность, что и за гражданским, а рассмотрение случаев аннулирования брака – прерогативой церковных властей. Религиозное обучение разрешалось в средних, но не в высших учебных заведениях. Подробнее см.: Токарева Е. С. Церковь и фашистский режим: феномен Италии 1922–1943 гг. Автореферат докт. дисс. М., 2002.

⁷⁵ Моран Г. Система взаимоотношений между церковью и государством в Испании.

⁷⁶ Women in Spain // Women in Europe // <http://pers-www.wlv.ac.uk>.

⁷⁷ Costa M. Il Referendum sul Divorzio // <http://www.pagine70.com>.

сования. Если в Турине, крупном промышленном центре на Севере Италии, на стороне сторонников развода были 79,8 % голосовавших, то на юге – всего 48 %. В ходе еще одного референдума (1981 г.) против отмены закона 1978 г. о легализации абортотвы высказались уже более двух третей итальянцев.

Особая значимость семейных связей. Особая роль семьи в формировании южноевропейской модели демографического поведения наиболее ярко проявляется в Италии. В истории этой страны, за исключением эпохи Древнего Рима, никогда не было «сильного» (функционирующего с точностью часового механизма и/или наводящего ужас на остальной мир) национального государства; не было и традиций жертвенного служения ему. Не характерна для новой истории Италии и имперская идея (попытки Муссолини создать итальянскую империю быстро закончились крахом). К моменту объединения Италии (1860–1870 гг.) ее поданные разговаривали на разнообразных местных диалектах и порой плохо понимали друг друга. Камилло Кавур (1810–1861), руководитель первого правительства объединенной Италии, заметил в этой связи: «Мы создали Италию, давайте создавать итальянцев». Языковая проблема в значительной мере была решена благодаря появлению общенационального телевидения, но и сейчас итальянцы часто используют в повседневном общении местные диалекты, у них чрезвычайно сильно развито чувство «малой родины», а в экономически наиболее развитых областях Севера Италии довольно сильны сепаратистские настроения. Итальянское государство, таким образом, редко преуспевало в роли «коллективного организатора» и мобилизующего центра социальной, а тем более хозяйственной жизни страны.

Социальная и экономическая неэффективность государства на протяжении столетий компенсировалась в Италии эффективностью семейных связей. *Il familismo* («фамелизм», «семейственность») пронизывает все сферы жизни итальянского общества. Семейные династии политиков, банкиров, журналистов, ветеринаров, почтальонов и пр. играют огромную роль в любой области профессиональной деятельности. Это резко усиливает зависимость индивида от семьи, ибо в организованном подобным образом обществе найти достойное место в жизни без поддержки родных и близких оказывается довольно сложно. По той же причине отцы семейств и вообще старшие родственники обязаны *sistemare* («устроить», «вписать в систему») младших членов семьи.

А. Скуиллачи, автор полемиического эссе, посвященного этой деликатной теме, не без иронии отмечает, что Наполеон Бонапарт, крушитель феодальных порядков, был образцовым итальянским фамелистом, пристроившим своих родственников на королевские должности по всей Европе. Точно такой же диссонанс между теоретическими взглядами и полуфеодальной практикой «трудоустройства» родственников, считает автор эссе, характерен сегодня для политиков и журналистов как либеральных, так и левых взглядов. Перефразировав известное изречение Алексиса Токвиля, заключает Скуиллачи, можно сказать, что в Италии люди принадлежат прежде всего своей семье и только потом – своим убеждениям.⁷⁸

Следствием этого социального феномена является, по мнению многих исследователей, повышенный уровень недоверия итальянцев к «чужакам», которыми, в известном смысле, являются все те, кто не входит в семейно-родственный круг. Опрос, проведенный в европейских странах в середине 1980-х гг., показал, что с утверждением «большинство моих соотечественников хотя бы в некоторой степени заслуживают доверия» согласились 88 % датчан, 79 % британцев, 69 % французов, 68 % испанцев, но только 33 % итальянцев.⁷⁹

Сторонникам линейно-прогрессивистской концепции истории столь высокая значимость семейных связей в жизни Италии всегда представлялась тормозом ее развития, пережитком феодального или раннекапиталистического общества, который должен был закономерно отме-

⁷⁸ Squillaci A. Il familismo italiano // http://lafrusta.homestead.com/Riv_familismo.html.

⁷⁹ Eurobarometro, Bollettino Doxa, XL, 22–23, Nov. 17th [1986]. Цит по: Dalla Zuana G. Op. cit.

реть с переходом на более высокую ступень общественного развития. Причины, по которым семейственность, пронизывающая все слои итальянского общества, не вызывает удивления у большинства авторов, описывающих этот социальный феномен, вполне понятны. Однако этическая оценка не может заменить объективного анализа. Оставаясь же в рамках последнего, следует констатировать, что повышенная по сравнению с другими развитыми странами значимость семейных связей – не пережиток, а, скорее, инвариант итальянского общества. Опосредуя все протекающие в нем процессы, сеть семейных связей обеспечивает адаптацию людей к изменениям социальной, политической и экономической конъюнктуры.

Итальянские семьи и семейные группы были двигателем экономической жизни страны при любом хозяйственном укладе. Мелкий, часто семейный, бизнес и сегодня играет в экономической жизни Италии большую роль, чем в других экономически развитых странах Европы (табл. 2.3). Пресловутая семейственность не помешала итальянской экономике найти достойное место в мировом разделении труда. Необычайно быстрый ее подъем, успехи итальянских экспортеров в последние десятилетия явились, по мнению многих западных наблюдателей, результатом не столько политики государства, сколько гибкости и активности итальянских предпринимателей.⁸⁰ Итальянская экономика, построенная на разветвленных сетях семейных и локальных связей, оказалась чрезвычайно динамичной, способной быстро перестраиваться в ответ на изменения мировой и национальной структуры потребительского спроса.

Таблица 2.3. Роль мелких фирм* в промышленности стран Европы в середине 1990-х гг.

Показатель	Италия	Испания	Франция	Велико-британия	Нидерланды	Германия
Доля дохода промышленности, произведенного мелкими фирмами, %	51	42	39	28	41	31
Доля работников промышленности, занятых в мелких фирмах, %	64	63	50	43	42	41

* К числу мелких фирм отнесены фирмы с числом работников менее 50. Источник: Dalla Zuana G. Op. cit.

В демографической сфере преломление реалий индустриальной и постиндустриальной Италии сквозь призму семейственности дало, однако, не столь радужные результаты. Оказалось, что фаимизм не только совместим с крайне низкой рождаемостью, но, при определенных условиях, по существу провоцирует ее.

В сознании большинства итальянцев брак и семья по-прежнему образуют нерасторжимое единство. Отношение к институту брака на юге Европы остается достаточно серьезным. Так, по данным опросов, в Италии в возрастной группе 20–24 года этот институт представляется устаревшим лишь 11,6 % женщин и 15,3 % мужчин.⁸¹ Кроме того, процедура развода остается

⁸⁰ Hallenstein D. Doing Business in Italy. L., 1991; Locke R. Remaking the Italian Economy. Itaca, 1995.

⁸¹ Fertility and Family Surveys in Countries of the ECE Region. Standart Country Report. Italy. UN. N. Y., Geneva, 2000. Pp. 113, 114.

достаточно сложной: одним из его условий является наличие у кандидатов на расторжение брака трехлетнего стажа раздельного проживания. В результате вступление в брак становится чрезвычайно ответственным, во многом необратимым шагом и поэтому постоянно откладывается.

На Севере и Западе Европы молодые люди также не торопятся вступать в зарегистрированный брак, но там нормой жизни стали внебрачные союзы и внебрачные рождения, значительное число которых обеспечивает относительно приемлемый уровень рождаемости. На юге Европы брачный союз по-прежнему имеет безусловный моральный приоритет перед внебрачным. В результате люди не вступают в брак потому, что это слишком ответственно, и не создают внебрачного союза, потому что это предосудительно.⁸² В Северной и Западной Европе внебрачная рождаемость вносит значительный вклад в общее число рождений, на Юге Европы этого не происходит.

Низкой оказывается и рождаемость в браке. Итальянцам по-прежнему хотелось бы, чтобы в их семьях было по двое-трое детей (среднее желаемое число детей в Италии составляет, по данным обследования 2000 г., 2,17).⁸³ Однако нормы южноевропейской, в особенности итальянской, семейственности требуют от родителей ревностной заботы об образовании и профессиональной карьере детей. К ним по-прежнему относятся со всей серьезностью. Но в современных условиях воспитать ребенка и помочь ему занять достойное место в обществе – весьма дорогостоящее предприятие. В результате с деторождением получается примерно то же, что и с заключением брака: молодые люди до последней возможности откладывают этот серьезный шаг, что неблагоприятно сказывается на уровне рождаемости.

Этому парадоксальным образом способствуют и многовековой культ матери, и теплота отношений между родителями и детьми.⁸⁴ К чему покидать родительский дом, в современных условиях весьма комфортабельный и вместительный, если в нем так тепло и уютно? Следует также отметить, что для многих (хотя далеко не всех) регионов Италии и Испании на протяжении нескольких столетий было характерно совместное проживание одного из женатых сыновей, а также взрослых неженатых (незамужних) детей совместно с родителями.⁸⁵ В этом отношении современная практика длительного совместного проживания родителей и детей в одном доме (в условиях возросшего благосостояния достаточно большом и комфортабельном) является возобновлением многовековых традиций.⁸⁶

Особенности рынков труда и жилища. Специфика южноевропейской модели демографического поведения обусловлена также национальными особенностями рынка труда, жилищной ситуацией и их взаимодействием с культурными нормами и традициями.

⁸² При этом в различных субрегионах католической Южной Европы распространенность внебрачных союзов весьма заметно колеблется. Кроме того, внебрачные союзы больше распространены среди более образованных групп населения.

⁸³ Gesano G., Menniti A., Misiti M., Palomba R., Cerhara L. Le intenzioni, i desideri e le scelte delle donne italiane in tema di fecondita. L'Osservatorio italiano sulle aspettative di fecondita W. P. 01/2000 luglio 2000. P. 51 // www.irpps.cnr.it/irpit/download/wp100.pdf

⁸⁴ Ряд исследователей, специально изучавших данный вопрос, противопоставляют юноевропейский тип семьи, для которого характерны «сильные» внутрисемейные связи, северо- и западноевропейскому типу, где такие связи намного слабее: Reher D. S. Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts // *Population and Development Review*. 1998. Vol. 24, № 2; Granovetter M. S. 1973. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology* 78(6): Pp. 1360–1380; Granovetter, M. S. 1985. Economic action and the social structure: The problem of embeddedness // *American Journal of Sociology* 91(3): Pp. 481–510.

⁸⁵ Одним из первых этот вопрос исследовал выдающийся французский социолог Фредерик Ле Пле (1806–1882): *Le Play F. Les ouvriers européens*, 2-ème ed. en 6 v. Pp. 1877–1879. Недавний анализ итогов переписи населения Италии 1881 г. показал, что структура семьи и, в частности, распространенность совместного проживания родителей и взрослых детей в различных областях Италии была неодинаковой и определялась комплексом экономических и природно-климатических факторов: Cocchi D., Crivellaro D., Dalla Zuana G., Rettaroli R. Nuzalita, famiglia e sistema agricolo in Italia negli anni '80 del XIX secolo // *Genus*. 1996. Vol. LII. Pp.125–159.

⁸⁶ Micheli G. Kinship, Family and Social Network: The anthropological embedment of fertility change in Southern Europe // *Электронный журнал Demographic Research*. Vol. 3, article 13, <http://www.demographic-research.org>.

В Испании в последнее десятилетие правления Ф. Франко, умершего в 1975 г., безработица была относительно невысокой. Во многом это объяснялось быстрым ростом испанской экономики в этот период и крайне низкой занятостью замужних женщин (наемным трудом занималось не более 5 % из них).⁸⁷ Квартирная плата регулировалась государством и также была довольно низкой. В этих условиях процент вступивших в брак был весьма высоким, а возраст вступления в брак по испанским меркам – довольно ранним. В 1976 г. суммарный коэффициент брачности для мужчин в возрасте от 15 до 50 лет (процент вступивших в брак в данном возрастном интервале, рассчитанный при определенных предположениях) составлял 92,6 %, женщин – 93,3 %, ⁸⁸ а средний возраст вступления в первый брак – соответственно, 26,1 и 23,1 года.

После окончания периода диктатуры занятость женщин и одновременно уровень безработицы резко повысились. Произошла существенная либерализация рынка жилья. Цены на жилье для тех, кто арендовал его до либерализации, по-прежнему регулировались государством, однако новые наниматели должны были платить в 3–4 раза больше, чем раньше. Ставки ипотечного кредитования также резко выросли. Все это экономически привязывало молодежь к родительскому дому и затрудняло создание собственной семьи. К 1992 г. суммарный коэффициент брачности мужчин понизился до 74,3 %, женщин – до 78,6 %, возраст же вступления в первый брак вырос примерно на 2,5 года (соответственно, до 28,7 и 26,4 года).⁸⁹

Как для Испании, так и для Италии характерна более высокая молодежная безработица, чем по Европейскому Союзу в среднем. Уровень занятости женщин в Италии и Испании и сегодня ниже, чем в целом по ЕС. Женщинам в этих южноевропейских странах оказывается труднее найти работу в режиме неполного рабочего дня или недели, они испытывают большие трудности с возобновлением трудовой деятельности после рождения.⁹⁰ В Италии, как и в Испании, квартирная плата за жилье, снимаемое у домовладельцев, относительно выше, чем в других странах ЕС.

Сравнительные исследования⁹¹ свидетельствуют, что на севере и западе Европы молодые люди часто начинают жизнь в снятой внаем квартире, где живут одни или с партнером по добрачному союзу. На Юге Европы снять квартиру оказывается слишком дорогим удовольствием, поэтому молодежь предпочитает оставаться вместе с родителями и копить деньги на покупку (в кредит) собственного жилья. Это приводит к откладыванию женитьбы или замужества, и в условиях, когда внебрачная рождаемость блокируется культурными нормами, к более низкой по сравнению с северо- и западноевропейскими странами рождаемости.

⁸⁷ Miret-Gamundi P. Nuptiality patterns in Spain in the eighties // *Genus*. Vol. LIII, n. 3–4. P. 185.

⁸⁸ То есть при сохранении повозрастных вероятностей вступления в брак, наблюдавшихся в этом году, 92,6 % жителей Испании хотя бы раз в жизни вступили бы в брак.

⁸⁹ Miret-Gamundi P. *Op. cit.* P. 187.

⁹⁰ Cordon J. Spain. Low fertility // <http://www.europa.eu.int/comm/employmentsocial/eoss/downloads/spain2000fertilen.pdf>; Di Tommaso M. Trivariate Model Of Participation, Fertility And Wages: The Italian Case. *Cambridge Journal of Economics* 23 (5). 1999. September. Pp. 515–691.

⁹¹ Kohler H.-P., Billari F., Ortega J. The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s // *Population and Development Review*. December 2002. Vol. 28 Number 4; Irazoqui M. Leaving the nest in two different European contexts. Introduction of a research on housing and nest leaving // *The Annals of the Marie Curie fellowships*. Vol 1. Pp. 144–150.

2.4. Исключение или часть правила?

В предыдущей главе был рассмотрен комплекс процессов, определивших формирование новой модели демографического поведения жителей Северной и Западной Европы. Ведущую роль в этом сыграли, как отмечалось, два обстоятельства. Во-первых, активное неприятие поколением молодежи, вступившим на социальную арену в середине 1960-х гг., государственного контроля над демографическим поведением и, шире, устаревших форм институционального контроля как таковых. Во-вторых, отказ государства от такого контроля, связанный с изменением функций самого государства.

Молодежные бунты и студенческие «оккупации» университетов охватили в 1968 г. и Италию. Вскоре итальянское общество приобрело все черты «общества массового потребления», и сегодня в стране постоянно слышатся жалобы на негативное влияние американской массовой культуры и забвение лучших национальных традиций. Влияние европейской интеграции на все стороны жизни стран Южной Европы тем более не подлежит сомнению. Почему же тогда две новые модели демографического поведения – южноевропейская и западноевропейская – оказались различными?

Корни различий лежат, на наш взгляд, в несходстве институциональной структуры южноевропейских и западноевропейских обществ. На юге континента новые реалии столкнулись с многовековыми институтами и традициями, среди которых (особенно в Италии) важнейшую роль играют особая роль семейных уз и «слитность» институтов семьи и брака, а также представление о последнем как о единственно легитимной или, по крайней мере, обладающей несомненным приоритетом основе семьи и родительства. На уровне общества в целом сложилась ситуация своеобразного «конкурса» старых институтов и новых реалий, а на уровне отдельного индивида – ситуация выбора между трудно совместимыми социальными нормами и экономическими требованиями.

Результаты такого «конкурса» оказались неожиданными. «Победителями» в нем явились традиции семейственности и «слитности» семьи и брака и одновременно вполне современное стремление к высоким стандартам личного потребления. «Ценой» же, обеспечившей совмещение «традиций» и «новаций», стало снижение рождаемости до уровня значительно более низкого, чем на Севере и Западе Европы.

Анализ южноевропейского демографического феномена, безусловно, способствует постановке ряда теоретических вопросов. Один из них состоит в трактовке места данного феномена в демографической истории. Является ли он неким курьезом, малозначительным исключением из правила или, напротив, одним из многих свидетельств чего-то гораздо более весомого? Второй, более общий вопрос касается роли процессов дивергенции в мировом демографическом развитии. Является ли нарастание различий между регионами исключительно результатом разновременного прохождения ими различных стадий демографического перехода или оно может быть вызвано и иными, не менее фундаментальными причинами?

Отвечая на эти вопросы, еще раз процитируем Д. Норта. «История, – подчеркивает он, – имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества».⁹² Институциональная структура общества, безусловно, не является чем-то застывшим. Институты не только хранители традиций, но и инструменты адаптации индивида и общества к внешней среде, вследствие чего изменения среды неизбежно сопровождаются появлением новых и отмиранием или изменением старых институтов. Тем не менее, институциональная структура

---

⁹² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 12.

не меняется в одночасье по воле политиков и экономистов – ее состояние в каждый последующий момент в огромной степени определяется предыдущей историей. Преломляя воздействия среды (и одновременно изменяясь под этим воздействием), специфическая институциональная структура генерирует и специфические феномены – политические, экономические, демографические.

Институциональные структуры, их изменения и взаимодействия с внешней средой могут быть как проводниками конвергенции, так и выступать в роли фактора, обуславливающего нарастание региональных различий. Это порождает своеобразную историческую «чересполосицу» – периоды доминирования конвергентных тенденций чередуются с периодами, когда господствует дивергенция.

Теория демографического перехода трактует процессы дивергенции излишне упрощенно – как феномен, порождаемый разновременным прохождением различными регионами тех или иных стадий такого перехода. Подобная трактовка, как показывает демографическое развитие Италии и Испании на протяжении последней четверти XX в., далеко не всегда адекватно отражает реальный ход событий. Следуя логике теории демографического перехода, можно было бы скорее ожидать, что рождаемость в Италии и Испании будет меняться по «ирландскому» сценарию – снижаться с некоторым запаздыванием по отношению к остальным странам Северной и Западной Европы. Однако ход событий оказался иным, еще раз показав, сколь ограничены возможности теории демографического перехода при интерпретации демографического развития на уровнях страны и региона.

Возникновение в последние десятилетия новой средиземноморской модели формирования семьи, дивергенция вместо конвергенции кажутся аномальными лишь с позиций демографического универсализма. С точки зрения институциональной теории, подобная ситуация, напротив, представляется вполне объяснимой. Европейская интеграция изменила институциональную структуру южноевропейских обществ, но не превратила ее в копию той, что присуща сегодня (или была присуща вчера) странам Западной или Северной Европы. Своеобразие институциональной структуры, преломляя общие для жителей разных частей континента вызовы, привело к специфическим демографическим ответам. Что в этом удивительного?!

Глава 3

Центральная и Восточная Европа: формации и трансформации

3.1. Динамика продолжительности жизни: в поисках причин исторической драмы

Драматические изменения продолжительности жизни в странах Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ)⁹³ не оставили равнодушными тех, кому близка их судьба. Мнения о причинах таких изменений, как это часто бывает в подобных случаях, оказались различными, порой прямо противоположными. Учитывая это, попытаемся, насколько возможно, отделить факты от их многочисленных интерпретаций.

Факты. Динамика продолжительности жизни в странах Центральной и Восточной Европы распадается на четыре периода:

- рост продолжительности жизни в первые послевоенные десятилетия;
- последовавшая затем стагнация,⁹⁴ а в ряде стран медленное снижение продолжительности жизни;
- снижение, часто весьма значительное, продолжительности жизни в начальном периоде рыночных реформ;
- выход из трансформационного кризиса и (за исключением Белоруссии, Молдавии и Украины) последующее повышение продолжительности жизни, в одних странах вполне очевидное, в других едва наметившееся.

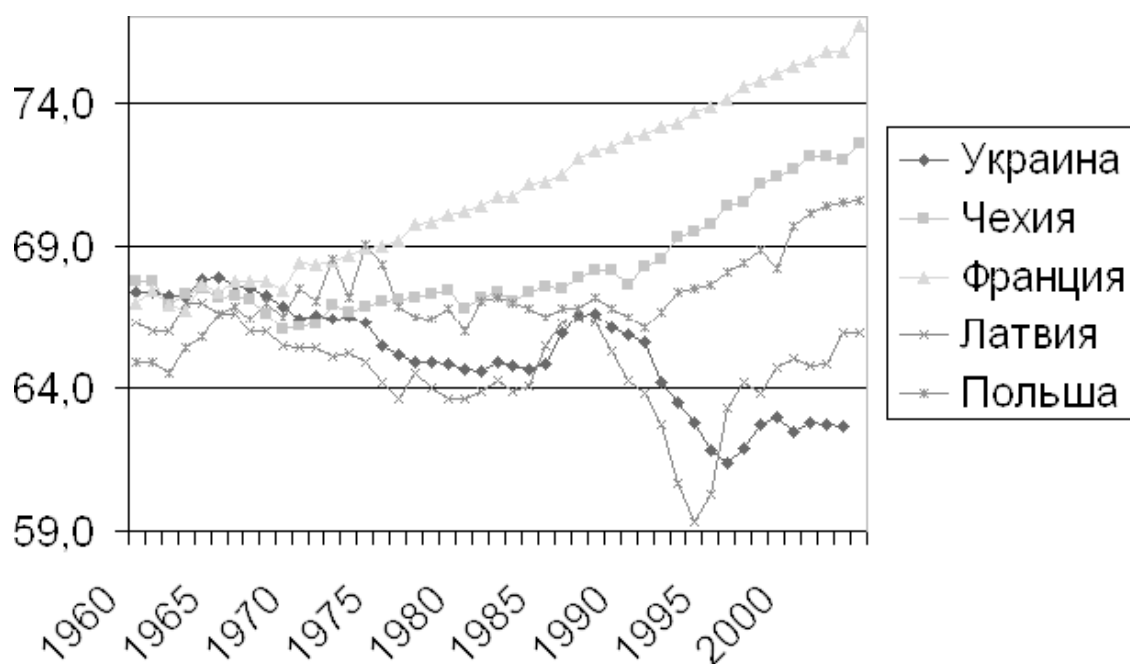
Рост продолжительности жизни в первые послевоенные десятилетия привел к тому, что в начале 1960-х страны ЦВЕ практически достигли уровня стран Западной Европы. В 1962 г. в Белоруссии продолжительность жизни мужчин (68,1 года) и женщин (74,8 года), была несколько выше, чем во Франции (66,9 и 73,8 года). Почти не отставали от этих значений Украина (67,3 и 73,6), Чехия (66,9 и 72,9 года), Венгрия (65,6 и 70,0).

Стагнация продолжительности жизни началась в 1960-е гг. и имела место во всех странах ЦВЕ (рис. 3.1). Неблагоприятные тенденции проявились прежде всего в динамике продолжительности жизни мужчин. В Чехии значения этого показателя в 1961 г. (67,8 года) и четверть века спустя, в 1986 г. (67,5 года), были практически одинаковы. В Белоруссии данный показатель снизился с 68,9 в 1965 г. до 65,6 в 1984 г. Тенденции динамики средней продолжительности жизни женщин были более благоприятны, но и здесь в лучшем случае отмечался медленный рост. Для стран ЦВЕ был характерен также более высокий по сравнению со странами Запада уровень смертности от преимущественно «мужских» причин – травм, отравлений, убийств и самоубийств.

---

⁹³ Термин, используемый в данной работе для обозначения европейских стран (кроме России), ранее входивших в состав СССР или советский военно-политический блок.

⁹⁴ То есть такая ее динамика, при которой при разнонаправленных колебаниях средней продолжительности жизни в отдельные годы не наблюдается ни ее устойчивого роста, ни снижения.

Рис. 3.1. Динамика продолжительности жизни мужчин в некоторых странах ЦВЕ и Франции

В отличие от стран ЦВЕ, в странах Запада с 1970-х г. начался быстрый рост продолжительности жизни. Во Франции, например, она выросла к 1985 г. до 71,3 года у мужчин и 79,3 – у женщин. В результате к середине 1980-х страны ЦВЕ не только значительно отставали от остальной Европы по продолжительности жизни, но и отличались большим разрывом в продолжительности жизни женщин и мужчин.

Стагнация или снижение продолжительности жизни в европейских странах «реального социализма» (табл. 3.1) контрастировала также с ее постоянным ростом в Китае (после окончания «большого скачка»), Вьетнаме и на Кубе (табл. 3.2).

Таблица 3.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах ЦВЕ в 1970–2004 гг., лет

Страна	Пол	1970	1985	1990	1995	2000	2004*
Белоруссия	Мужчины	68,1	67,4	66,3	62,9	63,4	63,2
	Женщины	75,7	77,2	75,8	74,4	74,6	76,0
Болгария	Мужчины	69,0	68,1	68,0	67,4	68,5	69
	Женщины	73,1	74,2	74,7	74,9	75,1	76
Венгрия	Мужчины	66,4	65,2	65,2	65,5	67,6	68,7
	Женщины	72,2	73,3	73,9	74,8	76,3	77,2
Латвия	Мужчины	65,5	64,8	64,3	60,0	64,9	65,9
	Женщины	74,2	74,0	74,6	72,9	76,1	76,2
Литва	Мужчины	75,4	65,6	66,4	63,3	66,8	66,3
	Женщины	68,9	75,4	76,2	75,0	77,4	77,7
Молдавия	Мужчины	63,1	63,1	65,1	62,0	64,0	63,8
	Женщины	69,5	69,0	72,0	69,7	71,5	71,7
Польша	Мужчины	66,5	66,5	66,5	67,6	69,7	70,6
	Женщины	73,1	74,8	75,5	76,3	77,9	79,2
Румыния	Мужчины	64,2	66,4	66,6	65,4	67,7	67,4
	Женщины	69,4	72,3	73,0	73,2	74,6	74,8
Словакия	Мужчины	66,9	67,0	66,7	68,4	69,2	70,3
	Женщины	73,2	74,9	75,5	76,4	77,4	78,0
Украина	Мужчины	66,1	65,2	65,7	61,3	62,3	62
	Женщины	72,6	74,0	75,0	72,6	73,6	73
Чехия	Мужчины	66,0	67,6	67,6	69,7	71,7	79,2
	Женщины	73,2	74,8	75,5	76,7	78,4	72,6
Эстония	Мужчины	65,4	65,5	64,8	61,8	65,6	66
	Женщины	74,0	74,8	75,0	74,4	76,4	78

* Данные о Болгарии, Украине, Эстонии – по оценкам ВОЗ; статистика Молдавии – за 2005 г.

Источники: Демоскоп Weekly // <http://www.demoscope.ru>; Eurostat news release, March 2006, 29/2006; World Health Organization 2006 Mortality Country Fact Sheet.

Таблица 3.2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении во Вьетнаме, Китае и на Кубе в 1975–2006 гг., лет

Страна	Пол	1975–1979	1985–1989	2006 (оценка)
Китай	Мужчины	65,5	68,0	70
	Женщины	66,2	70,9	74
Вьетнам	Мужчины	53,7	58,7	70
	Женщины	58,1	63,1	73
Куба	Мужчины	71,1	72,3	75
	Женщины	74,4	75,5	79

Источники: Население мира. Демографический справочник / Сост. В. А. Борисов. М., 1989; Демоскоп Weekly // <http://www.demoscope.ru>; 2006 World Population Data Sheet // <http://www.prb.org>.

Особого упоминания заслуживает кратковременный рост продолжительности жизни во всех странах, входивших в состав СССР, в период антиалкогольной кампании времен перестройки (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Динамика средней продолжительности жизни до начала, в период проведения и после завершения антиалкогольной кампании

Страна	Средняя продолжительность жизни, лет					
	Мужчины			Женщины		
	1985	1987	1989	1985	1987	1989
Белоруссия	67,4	67,6	66,8	77,2	76,2	76,4
Латвия	64,8	66,4	65,4	64,0	75,2	75,2
Литва	65,6	67,7	67,0	75,4	76,4	76,4
Молдова	63,1	65,6	65,6	69,5	71,5	71,3
Украина	65,2	66,7	66,2	74,0	75,0	75,3
Эстония	65,5	66,4	65,9	74,8	75,1	74,9

Трансформационный спад и последующая динамика продолжительности жизни в странах ЦВЕ отразили как общность их демографической истории, так и существенные различия между ними. Хотя снижения продолжительности жизни в начале реформ не избежала ни одна из стран региона, глубина кризиса и скорость выхода из него оказались различными.

Корреляционный анализ, проведенный для одиннадцати стран региона, свидетельствует о наличии тесных взаимосвязей между уровнем жизни в стране, глубиной экономического спада в начале реформ и динамикой продолжительности жизни. Чем выше был уровень жизни в стране до начала реформ, тем менее глубокими были в ней трансформационный экономический спад и кризис продолжительности жизни. Так, коэффициент корреляции между среднедушевым ВВП (ППС) в 1993 г. и темпом динамики ВВП (1996 г., % к 1989 г.) составил 0,73; между среднедушевым ВВП (ППС) в 1993 г. и разностью значений средней продолжительности жизни в 1996 и 1989 гг. – 0,81; темпом динамики ВВП (1996 г., % к 1989 г.) и разностью значений средней продолжительности жизни в 1996 и 1989 гг. – 0,79.⁹⁵

Хотя спад продолжительности жизни так или иначе затронул все страны, первыми из него вышли Чехия и Словакия (в 1991 г.), Польша (в 1992 г.), Венгрия (в 1994 г.). Уровень жизни в этих странах изначально был выше, а удельный вес неконкурентоспособных производств – ниже, чем в остальных странах ЦВЕ. Так, в Чехии в 1993 г. ВВП (ППС) на 1 жителя составлял \$8422, в Венгрии – \$5962, тогда как на Украине – \$3310, в Молдавии – \$2215. Эти различия были унаследованы еще с довоенных лет. В 1930 г. среднедушевой ВВП на чешских землях (в составе Чехословакии) был на 37 % выше, чем в Италии, и лишь на 19 % ниже, чем во Франции.⁹⁶

⁹⁵ Рассчитано по кн.: Попов В. Шоковая терапия против градуализма: конец дискуссии // Эксперт. 1998. № 35; Демоскоп Weekly – <http://www.demoscope.ru>.

⁹⁶ Rychtaríková J. The Case of the Czech Republic Determinants of the recent favourable turnover in mortality // Workshop «First Seminar Of The IUSSP Committee On Emerging Health Threats: Determinants Of Diverging Trends In Mortality», 19–21 June 2002.

Румынии и Болгарии удалось добиться устойчивого роста продолжительности жизни лишь несколькими годами позднее (соответственно, в 1997, 1998 и 1999 гг.). В странах Балтии рост продолжительности жизни возобновился в 1996 г., однако все еще остается медленным и прерывистым (в 2001 г. наблюдалось даже снижение данного показателя). Наиболее глубоким и длительным оказался кризис продолжительности жизни в Белоруссии, Украине, Молдавии. Ни одной из этих стран пока не удалось превзойти по данному показателю уровень 1990 г. В Белоруссии в 2004 г. продолжительность жизни мужчин выросла по сравнению с 2002 г. на 0,9 года, женщин – на 1,9 года. В Украине и Молдавии можно говорить лишь о прекращении снижения и стабилизации значений данного показателя.

Интерпретации. Авторы, стремящиеся докопаться до причин кризиса продолжительности жизни в странах ЦВЕ, акцентируют внимание на различных аспектах их истории. При интерпретации причин стагнации или снижения продолжительности жизни в странах ЦВЕ в период «реального социализма» часто используется «пороговое» объяснение, апеллирующее прежде всего к особенностям организации общественного здравоохранения. Подчеркивается, что система здравоохранения в СССР и странах ЦВЕ сложилась в условиях войн или подготовки к ним и исходила из известного тезиса, что «здоровье – имущество казенное». Сильными сторонами такой организации здравоохранения была обязательная иммунизация детей, отлаженная система противоэпидемических мероприятий. «Первый важный урок, который нужно усвоить из опыта социализма, состоит в том, что при соответствующих обстоятельствах участие государства в деятельности системы здравоохранения желательно, а временами может быть просто необходимым», – пишут в этой связи западные эксперты.⁹⁷

Созданная в СССР и странах ЦВЕ система здравоохранения позволяла, по мнению сторонников данной трактовки, повышать продолжительность жизни лишь до определенных пороговых значений. После того как резерв снижения смертности, связанный с иммунизацией детей, противоэпидемическими мероприятиями и т. д., был исчерпан, продолжительность жизни перестала расти. Западная же система здравоохранения изначально была ориентирована на большую активность индивида в борьбе за собственное здоровье. «Порог» здесь был легко пройден, поскольку удалось задействовать новые резервы роста продолжительности жизни, связанные с более здоровым образом жизни (отказом от курения, занятиями физкультурой и т. д.). Кроме того, более мощная экономика стран Запада обеспечила внедрение новых эффективных технологий лечения болезней, недоступных в силу их дороговизны в странах Восточной Европы и СССР.

Пороговое объяснение оставляет открытым вопрос о причинах, по которым здоровый образ жизни в странах ЦВЕ не приобрел такого числа сторонников, как на Западе. Не дает оно ответа и на вопрос о том, почему без видимых задержек преодолели означенный порог Вьетнам, Китай и Куба. Кроме того, в СССР, а в некоторые годы и в других странах Восточной Европы продолжительность жизни не просто оставалась неизменной, а снижалась, что также невозможно объяснить только пороговой гипотезой. Наконец, необычайно высокую по сравнению с развитыми странами смертность от «внешних» причин – убийств, самоубийств, несчастных случаев в быту и на производстве, – по большей части сопряженных с неумеренным потреблением алкоголя, лишь в малой степени можно списать на недостатки системы здравоохранения.

При объяснении этих феноменов обычно обращаются к порокам общественной системы, сложившейся в СССР и странах советского блока. Указывается, в частности, что такая система не обеспечивала индивиду возможностей для самореализации, формируя синдром «бегства от

Р. 2 // <http://www.demogr.mpg.de/Papers/workshops/020619paper34.pdf>

⁹⁷ Прекер А., Фичем Дж. Здравоохранение и медицинское обслуживание // Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе. Переходный период и дальнейшее развитие. М., 1997. С. 385.

жизни», выражающийся в алкоголизме и депрессиях.⁹⁸ Отмечается (применительно к СССР), что «общество постоянно находилось в напряжении, состоянии мобилизационной готовности, и ничто не ценилось так мало, как “воля к здоровью”, да и вообще всякая индивидуальная воля».⁹⁹

О том, что подобные аргументы не беспочвенны, свидетельствует факт быстрого выхода из кризиса продолжительности жизни таких стран, как Чехия, Венгрия, Польша. Весьма вероятно, что одной из причин этого бесспорного успеха было появление новых возможностей, увлекающих и, что не менее важно, реально осуществимых. Они были связаны с предпринимательской активностью, работой по найму в новых экономических структурах и т. д.

Подобное объяснение, однако, также не расставляет все точки над *i*. В Украине, в Молдавии, где рыночные реформы также открыли возможности для предпринимательской активности, а «состояние мобилизационной готовности» давно утратило какую-либо актуальность, кризис продолжительности жизни по-прежнему не преодолен. В Китае, Вьетнаме, на Кубе, где сохранились и централизованное партийно-государственное руководство, и мобилизационный стиль управления, продолжительность жизни, напротив, значительно выросла. Получается, что в разных частях мира одни и те же факторы влияли на продолжительность жизни по-разному.

Вполне естественно предположить, что данное явление объясняется наличием некоторой опосредующей среды, имевшей в каждой из указанных групп государств свои особенности и, подобно призме, преломлявшей внешние воздействия. Роль такой среды, скорее всего, играла культура, в том числе и бытовая, «повседневная», складывающаяся из типичных, ставших стереотипными способов адаптации индивида, семьи, семейной группы к жизненным трудностям. Система культурных координат стран Восточной и Юго-Восточной Азии исключала, например, разрастание алкоголизма до восточноевропейских масштабов. Совсем иными, чем в Европе, были здесь и традиции отношений между народом и властью, индивидом и коллективом, семьей.

Не стоит забывать и о культурных различиях между странами ЦВЕ. В Чехии, Венгрии, Польше, ряде других стран огосударствление экономики и ограничение предпринимательской активности воспринималось большинством населения как нечто навязанное сверху или извне, нелепое и мешающее нормальной жизни. В Белоруссии и на Украине подобное устройство общественной жизни, напротив, воспринималось многими как вполне естественное.

Вряд ли можно определить «чистый» вклад каждого из рассмотренных факторов в динамику продолжительности жизни в странах ЦВЕ, драматичную и заметно отличающуюся от наблюдающейся в других регионах мира. Скорее, следует говорить о болезненном социальном синдроме, в котором одна беда влечет за собой другую. Чрезмерное огосударствление всей общественной жизни подрывало личную (в том числе предпринимательскую) активность. Это, с одной стороны, тормозило рост уровня жизни и снижало эффективность здравоохранительной системы, с другой – расширяло пространство бесцельного времяпрепровождения, заполнявшееся «алкогольным» досугом. Сформировавшаяся алкогольная субкультура институционализировалась, у нее появился собственный фольклор, поэты и певцы, группы влияния, экономически заинтересованные в ее поддержании. Эта субкультура уже не ограничивалась сферой досуга, постепенно прорастая в производственную сферу. Результатом стало огромное число преждевременных смертей, прежде всего мужчин трудоспособного возраста.

При этом даже в рамках относительно однородного региона ЦВЕ можно говорить о более легкой и тяжелой формах данного социального синдрома. Более легкая форма оказалась характерной для западной (не только в географическом, но также политическом и культурном смыс-

⁹⁸ Okolski M. Health and Mortality // European Population Conference, 23–26 March 1993. Proceedings, N. Y., Geneva, 1994. Vol. 1. P. 173.

⁹⁹ Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006. С. 391.

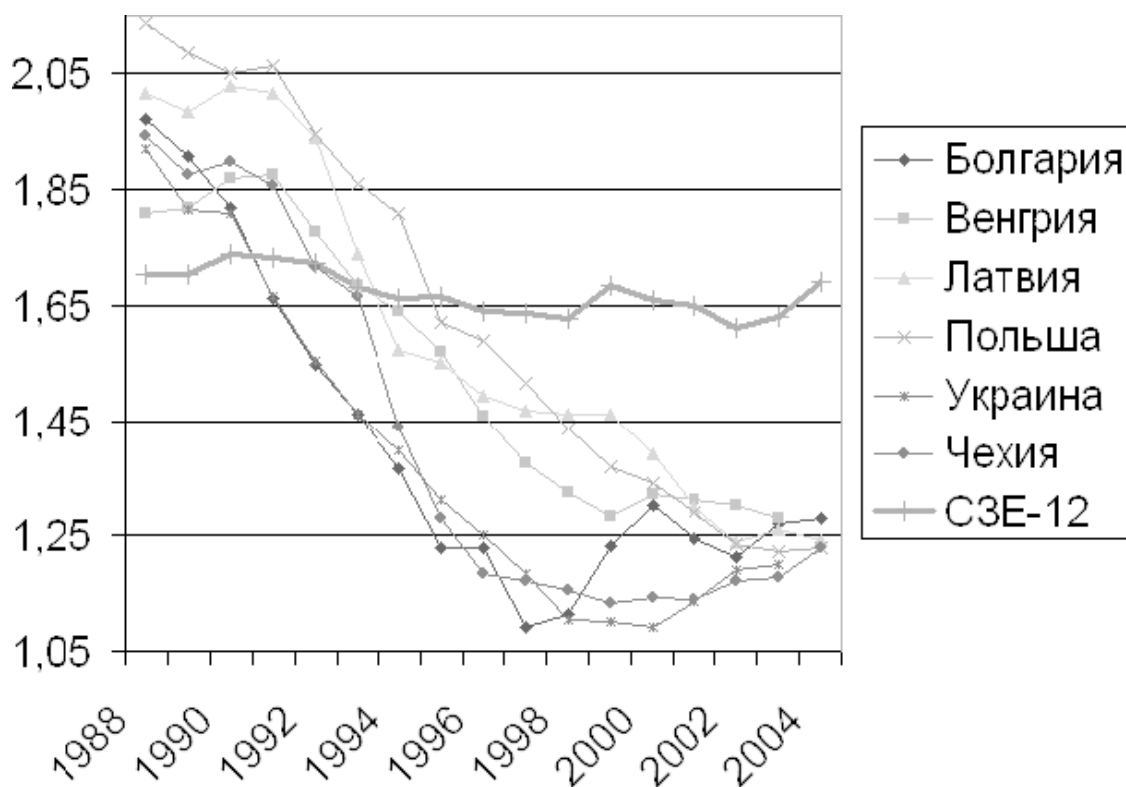
лах слова) части региона. Уровень жизни здесь был традиционно более высоким, предпринимательские навыки более развитыми, «тяжелое» пьянство не пустило столь глубоких корней. Данный субрегион, не в последнюю очередь в силу предстоящего вступления в Европейский Союз, оказался достаточно привлекательным для иностранных инвестиций. В этих условиях трансформационный кризис был не столь глубоким, а его демографические последствия не столь тяжелыми, как на востоке региона. Рыночные реформы в конечном счете сыграли роль эффективного социального лекарства, позволившего выйти из кризиса продолжительности жизни.

На востоке региона стартовые экономические и политические позиции были куда менее выигрышными, значительная часть населения не смогла «вписаться» в новую жизнь. Человеческая цена трансформационного кризиса оказалась здесь гораздо более тяжелой. Рыночные реформы, на западе региона оказавшие положительное влияние на динамику продолжительности жизни, на востоке пока лишь усугубили и без того тяжелую демографическую ситуацию.

3.2. Рождаемость переходного периода

До начала рыночных реформ для стран ЦВЕ был характерен несколько более высокий по сравнению с их западными соседями уровень рождаемости. Так, в 1988 г. суммарный коэффициент рождаемости в странах ЦВЕ находился в диапазоне от 1,81 (Венгрия) до 2,31 (Румыния) и был выше среднего значения данного показателя (1,7) для 12 стран Северной и Западной Европы.¹⁰⁰

С переходом к рыночной экономике ситуация резко изменилась: во всех странах, где начались реформы, рождаемость резко снизилась (рис. 3.2). В 2001 г. страны ЦВЕ уже резко отставали от Северной и Западной Европы по уровню рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости составлял в странах ЦВЕ от 1,10 (Украина) до 1,34 (Эстония), тогда как в среднем по двенадцати странам Северной и Западной Европы – 1,64 (табл. 3.4). Ситуация не претерпела сколько-нибудь существенных изменений и в последующие годы. В результате страны ЦВЕ превратились в регион, рождаемость в котором является одной из самых низких в мире.

Рис. 3.2. Суммарный коэффициент рождаемости в некоторых странах Европы. Примечание: аббревиатура СЗЕ-12 здесь и далее означает среднюю для 12 стран Северной и Западной Европы

Рыночные реформы, как уже отмечалось, в большинстве стран региона позволили выйти из кризиса продолжительности жизни, но не обеспечили выхода из демографического кризиса в целом. Вследствие исключительно низкой рождаемости для большинства стран ЦВЕ характерна естественная убыль населения, темпы которой особенно велики в Украине, Белоруссии, Латвии. Данная ситуация усугубляется отрицательным миграционным сальдо, характерным

¹⁰⁰ Здесь и далее в этой главе – Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Финляндия, Швейцария и Швеция.

для большинства стран этого региона. Максимальный чистый отток населения зафиксирован в Украине (в 2000–2005 гг. – 140 тыс. человек в среднем за год) и Румынии (30 тыс. человек), а в расчете на 1000 жителей также и в Молдавии, где переводы денежных средств из-за границы составляли в 2004 г. 27,1 % ВВП страны.¹⁰¹ В результате в отличие от растущего, хотя и медленно, населения Западной Европы, население большинства стран ЦВЕ сокращается (рис. 3.3).

Таблица 3.4. Суммарный коэффициент рождаемости в странах Центральной и Восточной Европы в 1965–2005 гг.

Страна	1965	1985	1990	1995	2000	2005
Белоруссия	2,27	2,08	1,90	1,38	1,31	1,21
Болгария	2,09	1,98	1,82	1,23	1,26	1,31
Венгрия	1,82	1,85	1,87	1,57	1,32	1,32
Латвия	1,74	2,09	2,01	1,26	1,24	1,31
Литва	2,21	2,09	2,02	1,49	1,33	1,27
Молдавия	2,68	2,75	2,39	1,74	1,30	1,27*
Польша	2,69	2,32	2,05	1,62	1,34	1,24
Румыния	1,94	2,32	1,84	1,34	1,31	1,32
Словакия	2,80	2,26	2,09	1,52	1,29	1,25
Словения	2,46	1,71	1,46	1,29	1,26	1,22 1,26
Украина	1,99	2,02	1,89	1,38	1,20	1,22*
Чехия	2,18	1,96	1,90	1,28	1,14	1,23 1,28
Эстония	1,93	2,12	2,04	1,32	1,39	1,50
Для справки: 12 стран Северной и Западной Европы**	2,81	1,66	1,75	1,64	1,66	1,70

* Предварительные оценки Евростата.

** Невзвешенная средняя из значений показателя по Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Ирландии, Нидерландам, Норвегии, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции.

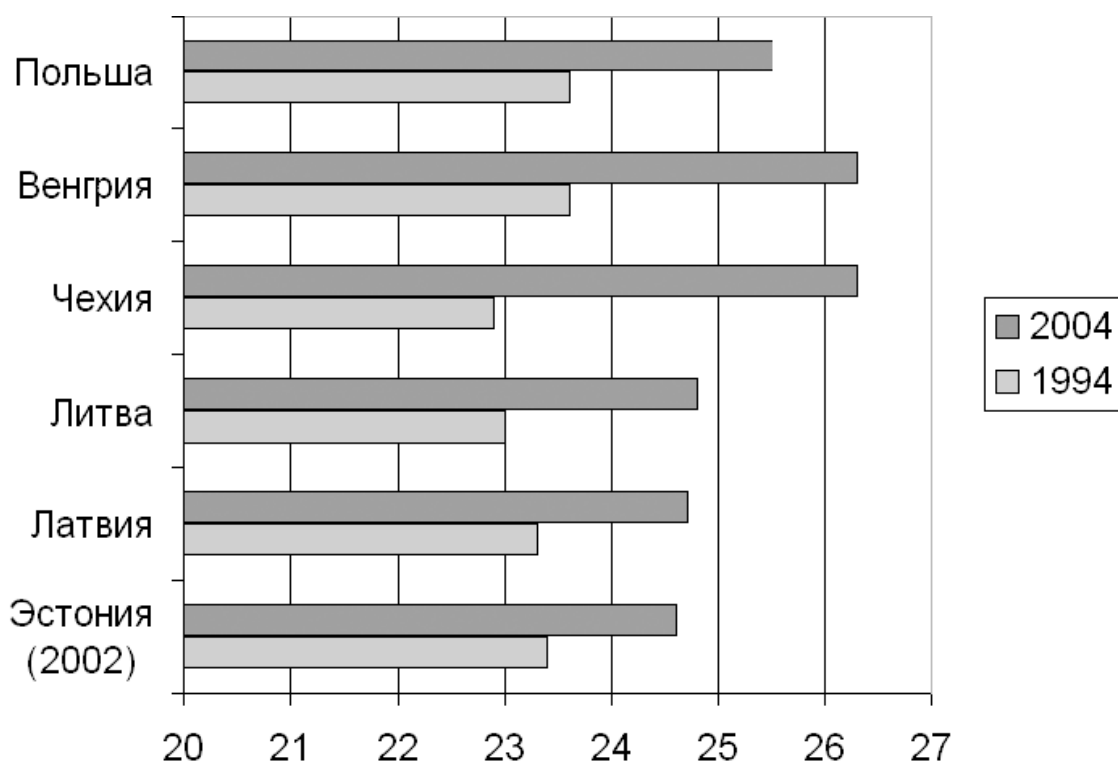
¹⁰¹ International Migration 2006 // <http://www.unpopulation.org>.

Рис. 3.3. Общий прирост населения (на 1000 жителей) в странах ЦВЕ и Западной Европе

В чисто демографическом плане снижение рождаемости в странах ЦВЕ было обусловлено как уменьшением возрастных коэффициентов рождаемости (снижением числа родившихся на 1000 женщин соответствующих возрастов), так и сдвигом в календаре рождений: последующие поколения вступали в брак и рожали детей в более поздних возрастах, чем предыдущие (рис. 3.4).¹⁰² Оба этих демографических фактора были, тем не менее, связаны с рыночными реформами, поскольку отказ от вступления в брак, откладывание рождения детей «на потом» или окончательный отказ от рождения ребенка были различными формами адаптации демографического поведения к новым, рыночным реалиям. В социальном и политическом плане более важно то, что к одному и тому же демографическому результату (снижению рождаемости) вели две различные причинно-следственные цепи. Если в одних группах населения отказ от деторождения был продиктован тяжелыми социально-экономическими условиями, то в других – стремлением к самореализации, карьерному росту, высоким стандартам потребления.

¹⁰² При этом снижением возрастных коэффициентов объяснялось от 28 % (Венгрия) до 76 % (Румыния) от общей величины снижения суммарного коэффициента рождаемости. См.: *Sobotka J.* Ten years of rapid fertility changes in european postcommunist countries: evidence and interpretation // http://www.rug.nl/prc/publications/workingPapers/download/WP_02_1.pdf.

Рис. 3.4. Средний возраст женщины при рождении первого ребенка в некоторых странах ЦВЕ, лет. Источник: Eurostat realise 29/2006, March 2006

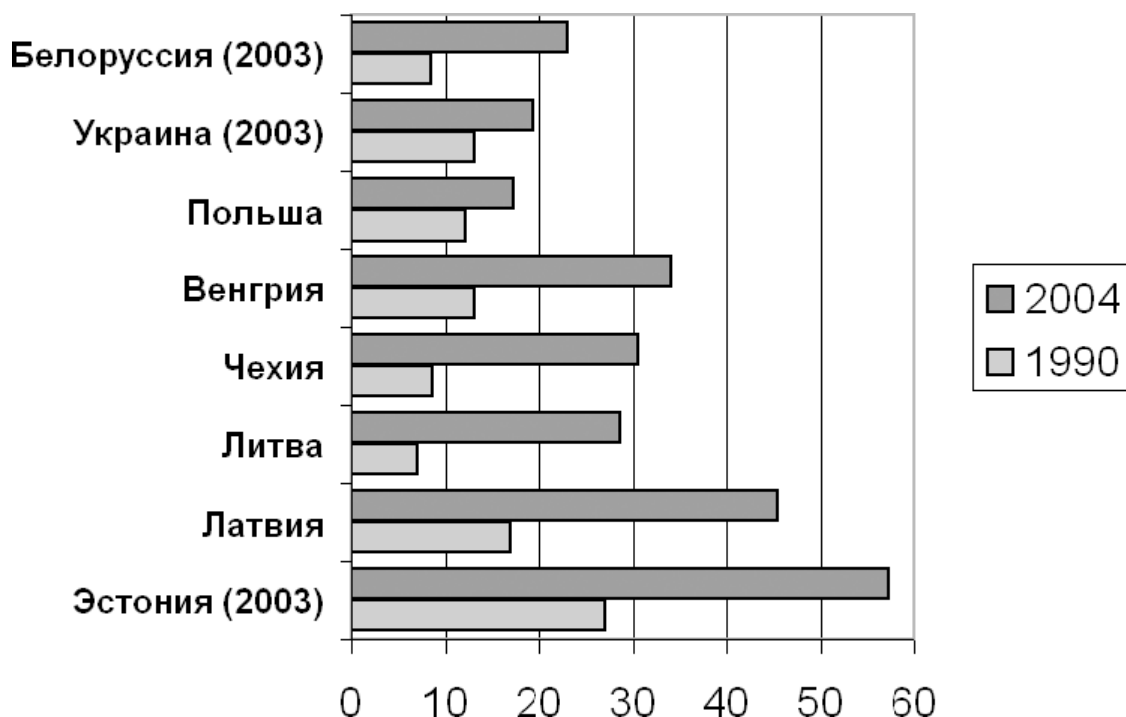
В странах ЦВЕ, как и в других странах Европы в 1990-е гг., наблюдалось заметное уменьшение числа вступающих в брак (на 1000 жителей) и быстрый рост доли детей, родившихся вне зарегистрированного брака, в общей численности родившихся (рис. 3.5). Однако, в отличие от стран Северной и Западной Европы, где рост внебрачной рождаемости практически компенсировал падение численности детей, родившихся в браке, в странах ЦВЕ этого не произошло, и коэффициент суммарной рождаемости в годы реформ резко снизился.

В литературе, посвященной проблемам рождаемости в странах ЦВЕ, высказываются различные суждения о том, какой из двух названных механизмов снижения рождаемости – «кризисный» или «западноевропейский» – играет более существенную роль. Споры об этом идут даже в Чехии – стране, где уровень жизни и до начала реформ был весьма высоким, а сами реформы прошли не только бескровно, но и экономически благополучно. Одни авторы полагают, что снижение рождаемости в полном соответствии с теорией второго демографического перехода (см. о ней главу 1) было обусловлено расширением пространства жизненных возможностей и свободы индивидуального выбора. Другие считают, что снижение рождаемости в Чехии было скорее реакцией людей на кризис, чем осознанным выбором.¹⁰³ Негативное влияние экономической депривации (и наряду с ней высоких материальных притязаний) на рождаемость подчеркивает и венгерский исследователь З. Спедер.¹⁰⁴ Результаты эконометрического моделирования по группе стран ЦВЕ позволяют утверждать о наличии «веских оснований полагать, что снижение уровня доходов оказало понижающее влияние на рождаемость и сделало Центральную и Восточную Европу регионом с самой низкой в мире рождаемостью».¹⁰⁵

¹⁰³ Обзор полемики по данному вопросу см.: Sobotka T. Op.cit.

¹⁰⁴ Spéder Z. Fertility behaviour in a period of economic pressures and growing opportunities: Hungary in the 1990s. European Population Conference Warsaw, 26–30 August 2003. Population of Central and Eastern Europe. Challenges and Opportunities. Ed. by Irena E. Kotowska and Janina Jozwiak. Statistical Publishing Establishment. Warsaw 2003. Pp. 458–483.

¹⁰⁵ Economic Survey of Europe. 2000. №. 1. P. 206.

Рис. 3.5. Доля внебрачных рождений в некоторых странах ЦВЕ, %. Источники: Demoscope Weekly; Eurostat Release 136/2005, October 2005

На мой взгляд, наиболее правдоподобной представляется гипотеза «двуслойного» снижения рождаемости, при котором в верхней и нижней частях социальной пирамиды данный процесс обуславливается различными причинами. «Наверху» борьба идет за индивидуализацию жизненного стиля, профессиональный успех или бизнес-карьеру, внизу – за минимально приемлемый уровень потребления. Подобная структура снижения рождаемости в последние десятилетия была характерна, например, для стран Латинской Америки (см. главу 6).

3.3. Демографическое развитие региона в зеркале теории

Демографическая история стран ЦВЕ была, среди прочего, и эмпирической проверкой двух больших теоретических построений. Одно из них восходило к знаменитому тезису К. Маркса: «Всякому исторически особенному способу производства ...свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения».¹⁰⁶ Этот тезис в середине прошлого века трактовался официальной советской идеологией без оговорок: социализму свойственна высокая рождаемость и низкая смертность, капитализму – высокая смертность и низкая рождаемость.¹⁰⁷ Альтернативная идея состояла в том, что демографическое развитие мира определяется единым для всех стран комплексом факторов – урбанизацией, ростом автономии личности, повышением образовательного уровня населения, достижением женщинами экономической самостоятельности, развитием систем здравоохранения, появлением новых медицинских технологий и т. д. Эта идея занимала центральное место в теориях модернизации, конвергенции, демографического и эпидемиологического перехода.

До середины 60-х гг. прошлого века теория демографического перехода в рассматриваемом регионе подтверждалась эмпирически: траектории рождаемости и смертности во всех частях Европы были сходными. Однако судьба социальных теорий редко бывает безоблачной. В то самое время, когда теория демографического перехода приобретала растущую популярность, противоречащие ей тенденции демографического развития стали обозначаться все более явно.

Одним из них стало явное расхождение траекторий динамики продолжительности жизни на востоке и западе Европы. С точки зрения концепции демографического перехода, это выглядело как нонсенс, ведь «по теории» демографические показатели индустриализованных и урбанизированных обществ, не важно, «социалистических» или «капиталистических», должны были сближаться. Статистика же свидетельствовала об обратном: восточноевропейский социализм привел к стагнации или снижению продолжительности жизни, а западноевропейский капитализм – к ее росту. К тому же выводу приводило и сравнение данных по ГДР и ФРГ: показатели продолжительности жизни одного народа, жившего в условиях разных общественно-экономических систем, заметно различались в худшую для ГДР сторону.¹⁰⁸ Вступая в противоречие с теорией демографического перехода, эти факты, однако, были еще более неудобными для официального марксизма-ленинизма. Влияние социально-экономической системы на демографическое развитие оказывалось весьма существенным, но противоположным тому, каким пыталась представить его пропаганда в странах «реального социализма».

Динамика рождаемости в обеих частях разделенной Европы, в отличие от динамики смертности, еще четверть века назад хорошо «укладывалась» в теорию демографического перехода и служила эмпирическим основанием для ее растущей популярности. Несоответствие эмпирических данных этой теории проявилось позже, в годы трансформационного кризиса. Вместе с экономикой переходного периода появилась и «рождаемость переходного периода», отличавшаяся необычайно низким даже по сравнению со странами Северной и Западной Европы уровнем.

Беспрецедентный спад рождаемости во всех европейских странах, переживших крушение прежней экономической системы, продемонстрировал, что влияние социально-экономической формации на рождаемость не стоит недооценивать. В самом деле, если бы роль «форма-

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 646.

¹⁰⁷ См., напр.: Народонаселение // БСЭ. 2-е изд. М., 1954. Т. 29. С. 175.

¹⁰⁸ В 1985 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни в ФРГ составляла для мужчин 71,9 года, женщин – 78,5 года, в ГДР, соответственно, 69,5 и 75,4 года.

ционных» факторов была несущественной, то при замене «реального социализма» «рынком» рождаемость не должна была бы испытать каких-либо потрясений. Ведь и при крушении прежней общественной системы факторы, значение которых подчеркивала теория демографического перехода, никуда не исчезли. Страны, в которых произошла смена общественного строя, не стали менее урбанизированными, женщины в них – менее самостоятельными, а население – менее образованным. Следовательно, в соответствии с теорией демографического перехода, резких изменений рождаемости не должно было произойти. В действительности же все оказалось иначе.

Главные причины резкого снижения рождаемости оказались связанными именно с различиями «социалистического» и «переходного» обществ. Первое, при всех его многократно описанных недостатках, обладало рядом особенностей, благоприятствовавших рождению и воспитанию детей. Так, право на бесплатное получение государственного жилья во многом определялось семейным положением и составом семьи. В этих условиях вступление в брак и рождение детей были для молодежи социально одобряемым способом избавиться от родительской опеки и улучшить жилищные условия. Пособия на детей были в ряде стран существенным подспорьем для бюджета семьи. Существовало большое количество рабочих мест, работа на которых не отличалась высокой интенсивностью, что было особенно важно для многих женщин, имеющих детей. Риск потерять такую работу был минимальным, а социальные гарантии снижали до минимума риск остаться без средств к существованию с ребенком на руках.

«Переходное общество» явило себя обществом высоких социальных и индивидуальных рисков, в котором миллионы семей оказались в условиях, неблагоприятных для рождения и воспитания детей. В этом обществе уже не было ни скромного обаяния прежних социальных гарантий, ни тем более развитой системы социальной поддержки, свойственной странам Западной и Северной Европы. Группы населения, не сумевшие «вписаться» в новые реалии, были озабочены выживанием, наиболее активная и квалифицированная часть молодых мужчин и женщин – профессиональным и карьерным ростом. Новая эпоха не располагала к деторождению ни тех, ни других.

Сегодня спор о том, что сильнее влияет на демографическое развитие – общественный строй или общечеловеческий прогресс, представляется, и не без оснований, несколько схоластичным. Однако подвести его методологические итоги все-таки стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.